91
Б53

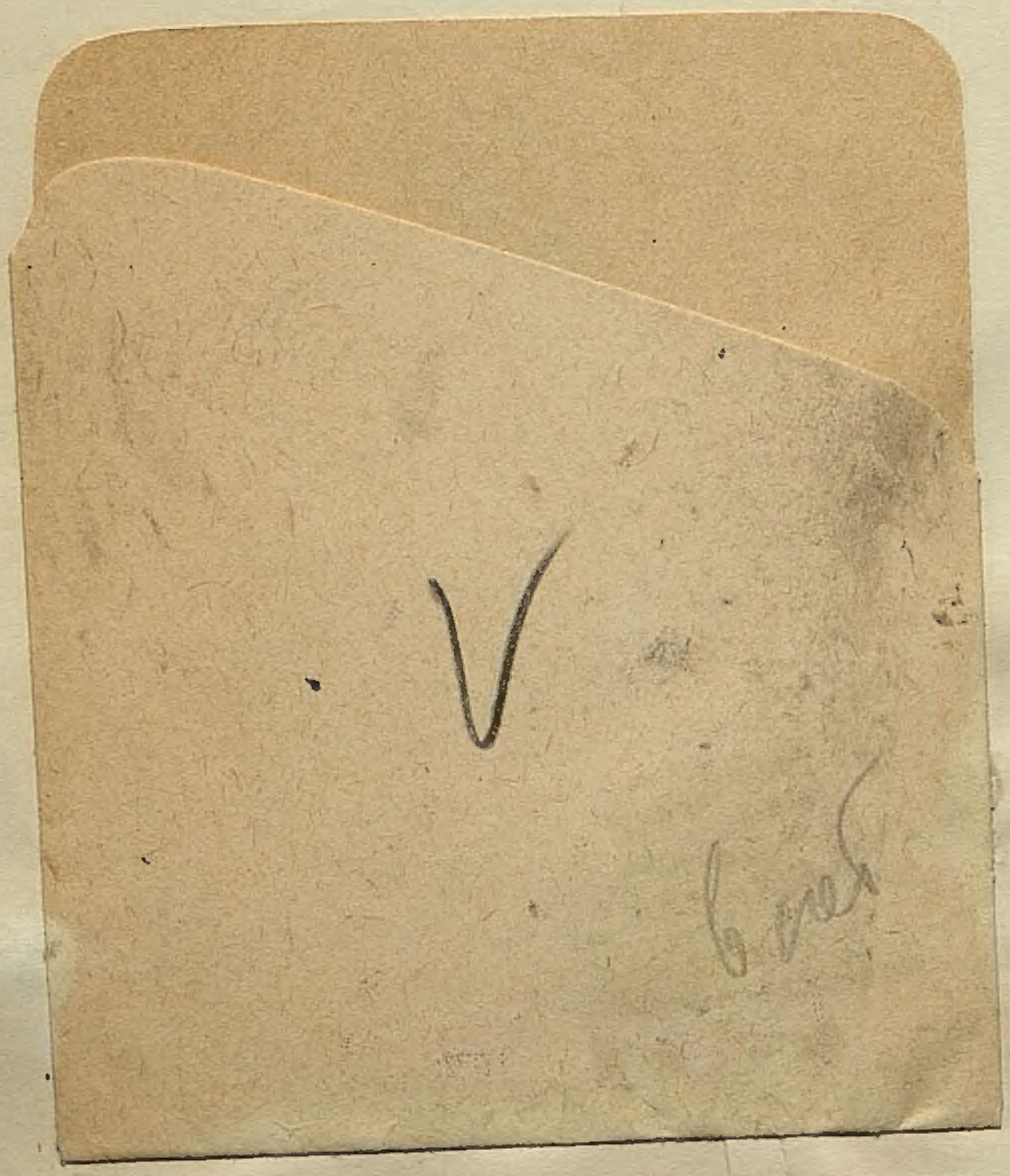
РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Ю.Н.БЕССОНОВ, В.Я.ЯКУБОВИЧ

ПО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Ч.Ч.ВАЛИХАНОВ
Г.Н.ПОТАНИН

ОГИЗ · ГЕОГРАФГИЗ · 1947



ПРОВЕРЕНО 61 г.

Ю. Н. БЕССОНОВ, В. Я. ЯКУБОВИЧ

ПРОВЕРЕНО 19[illegible] г.

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

(Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ и Г. Н. ПОТАНИН)

10199

Проверено | 2015

БИБЛИОТЕКА
ГШ ВМС СССР

ФИЛИАЛ
Центральной ВМБ

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1947

91
Б53

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

Под редакцией *В. В. Покшишевского*
и *Н. Г. Фрадкина*

Чокан Чингисович Валиханов

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ

1

В 1847 году Чокан Валиханов покинул родные казахские степи.

Отец его султан Чингис Валиев, внук знаменитого в истории Казахстана хана Аблая, присягнувшего в 1740 году на верность России, решил отправить сына учиться в Омский кадетский корпус.

Десятилетний Чокан, ни слова не понимавший по-русски, в сопровождении переводчика приехал в Омск.

Способный и восприимчивый мальчик, проучившийся до поступления в корпус три года в медресе *, быстро изучил русский язык и в знаниях обогнал своих сверстников. Любознательный и трудолюбивый, он много читал и даже получил разрешение корпусного начальства пользоваться фундаментальной библиотекой, так как книги скромной ученической библиотеки им были все быстро прочитаны.

Больше всего увлекался Чокан описаниями путешествий и сам мечтал стать путешественником — открывателем неизвестных земель.

В корпусе он сдружился с кадетом Григорием Потаниным, будущим известным исследователем Сибири и Центральной Азии. Вечерами они вместе обсуждали прочитанные книги и мечтали о самостоятельных путешествиях, о том, как будут бродить по берегам Куку-нора, карабкаться на вершины тибетских гор, отыскивать развалины древнего города Каракорума, могилу князя Ярослава в Монголии или ставку того среднеазиатского хана, к которому ездил Земарх послом от византийского императора Юстиниана.

---

* Мусульманская школа.

Чокан был полон рассказов о казахских степях, о кочевой жизни, о соколиной охоте, которой увлекалась казахская знать. Рассказы эти были так интересны, что Потанин начал записывать их, а Чокан, который превосходно рисовал *, иллюстрировал толстую тетрадь, ставшую заветной для обоих друзей, набросками казахского оружия, сбруи, реквизита соколиной охоты и т. п. В сущности это и была первая работа Чокана по этнографии, которую он выполнил еще совсем мальчиком.

Из ворот корпуса открывалась панорама Иртыша и его левобережья. Отсветы заката окрашивали небосклон, и за причудливыми облаками перед Чоканом возникали неведомые города древнего Китая. Пылкая фантазия его поражала товарищей. Он вслух мечтал, как проникнет до южных пределов степи, туда, «где начинается загадочная Поднебесная империя», и сколько он узнает нового о еще неизвестных странах.

Наклонности Чокана к исследовательской работе и его любовь к чтению книг о путешествиях скоро сделались известны в корпусе, и учителя стали смотреть на подрастающего Валиханова как на будущего исследователя или ученого.

В летние каникулы Чокан уезжал к отцу в степь, в урочище Сырымбет, километрах в ста к западу от города Кокчетава; остальное же время, свободное от занятий в корпусе, он проводил у Гутковских или Капустиных — в семьях наиболее культурных омских чиновников.

Став офицером и служа в должности адъютанта генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта, Валиханов получил возможность отправиться в первое свое путешествие.

В 1856 году ему удалось посетить Джунгарию. Он участвовал в военной экспедиции в район озера Иссык-куль, предпринятой полковником Хоментовским для изучения приграничных районов и их топографической съемки. Позднее Валиханову удалось побывать в китайском городе Кульдже и прожить там три месяца.

---

* В Алма-Атинском музее сейчас хранится несколько картин, принадлежащих кисти Чокана Валиханова. Разносторонне талантливый, Валиханов увлекался рисованием всю свою недолгую жизнь.

Это был год, ознаменованный крупными успехами русской географической науки. Первые научные исследования Валиханова протекали в том самом районе, в котором начал свои знаменитые путешествия Петр Петрович Семенов, получивший за них к своей фамилии добавление «Тян-Шанский». П. П. Семенов в 1856 году проник в Иссык-кульскую котловину и побывал на обоих — западном и восточном — концах таинственного «теплого озера» — Иссык-куля. Одна за другой раскрывались загадки Центрального Тянь-шаня. Эта горная страна привлекала тогда внимание всего ученого мира. Патриарх западноевропейских географов Александр Гумбольдт, исходя из умозрительных соображений, ожидал, что здесь — в центре Азиатского материка — должно быть скопление крупнейших вулканов. П. П. Семенов поставил своей задачей выяснить природу горообразования в сердце Азии путем непосредственных наблюдений. В результате его исследований предположения Гумбольдта были опровергнуты. Никаких вулканов в Тянь-шане не оказалось. Будучи натуралистом с необычайно широким кругозором, П. П. Семенов в равной мере интересовался и другими сторонами природы Тянь-шаня и Джунгарии; в частности, его путешествия дали очень много для познания растительности этого впервые исследованного района.

Валиханов, естественно, не мог ставить себе таких широких географических задач. Молодой провинциальный офицер даже не знал о тех спорах, которые волновали маститых географов далекой Европы. Валиханов был лишь натуралистом-любителем. Но тяга к науке была велика. И Валиханов каждую свободную от своих военных обязанностей минуту жадно использует на то, чтобы собрать какие-нибудь новые географические данные о неисследованном Тянь-шане, о неведомой Джунгарии.

В районе озера Иссык-куль он собирает коллекции, описывает до него никем не изученную фауну горной, полугорной и равнинной полосы Джунгарии. В своих заметках он впервые сообщил о рыжеватом волке «чибури», которого причислил к неизвестному виду альпийских собак.

Но главное, что сделал Валиханов во время этой первой своей поездки, — это было изучение самих

народов, обитавших в этом глухом крае, впервые открывшемся для русской науки. О племенах «дикокаменной орды», населявших Тянь-шань и Джунгарию, в географической науке было самое смутное представление. Край этот тогда еще не входил в состав России. Отдельным путешественникам, попадавшим сюда, было трудно разобраться в родах и племенах, которые назывались по-разному — то местными, то китайскими, то казахскими именами. Не зная местных языков, впервые наблюдая сложные взаимоотношения различных кочевых киргизских родов, любой ученый столкнулся бы с большими затруднениями при изучении отдельных племен. Вот почему даже из замечательных исследований П. П. Семенова мы можем узнать о населении того края, который он исследовал, меньше, нежели о природе. Валиханов, во всех тонкостях знавший быт кочевников, отлично понимавший киргизские наречия, достаточно близкие к родному ему казахскому языку, не мог сделать лучше, как избрать главной темой своих исследований этнографию. Собранные им материалы внесли значительную ясность в научно-географические представления об обитавших здесь казахах и киргизах. В своей работе «Очерки Джунгарии», изданной впоследствии Географическим обществом, Валиханов подчеркивает, «что не должно смешивать эти два совершенно различных народа»[1]. Валиханов жалуется, что современная ему география путает казахов и киргизов (мы знаем, что и в официальных документах царского времени вплоть до самой революции казахов упорно называли киргизами) и разъясняет: «Большая, Средняя и Малая киргиз-кайсацкие орды составляют один народ — «казак» [казах], отличный от киргизов...

Эти два народа отличаются по языку, по происхождению, по обычаям...»[2]

Валиханов записал много легенд и преданий, проливающих свет на происхождение и историю как киргизов, так и казахов — жителей Тянь-шаня и Джунгарии. Он неутомимо разыскивал старинные песни, пословицы и поговорки, в которых скрыта народная мудрость и отражен быт кочевника.

Вернувшись из своей пятимесячной поездки по Джунгарии в Омск, Валиханов сдружился с семьей Капустиных. Здесь он встречал передовых людей Сибири, с ко-

торыми искал общения, и людей, раздавленных царским режимом и попавших в сибирскую ссылку. Среди них были: петрашевец Дуров и писатель Достоевский, отбывавшие здесь свою ссылку после каторги. Эти люди прочно вошли в жизнь Чокана и оставили неизгладимый след на всей его дальнейшей судьбе.

Петрашевец Дуров своей критикой административно-политической системы крепостнической России как бы разбудил у Валиханова дремлющий протест против зла, которое он видел кругом, и помог сформироваться демократическим взглядам Чокана.

Достоевский, сделавшийся другом Валиханова, еще больше сблизил его с русским народом. Но самое важное значение для всей будущей деятельности Чокана Валиханова имела встреча с Петром Петровичем Семеновым.

Семенов был в 1856 году в Омске проездом. Он направлялся в свое, получившее впоследствии мировую известность, путешествие в Тянь-шань. Встретившись случайно в доме Гутковского с Чоканом Валихановым, он глубоко заинтересовался им. Семенова поразила эрудиция молодого казаха-офицера и его работы, выполненные во время военных командировок.

Стараясь поддержать начинания молодого исследователя по изучению Средней Азии, Петр Петрович дал Валиханову прочесть рукопись своего перевода «Землеведения» Риттера — том о среднеазиатских странах, и советовал отправиться в Петербург для получения высшего образования по восточному факультету.

Петр Петрович Семенов помог Чокану и в организации его следующего, уже чисто научного, путешествия в Кашгарию. Он посоветовал генерал-губернатору Гасфорту командировать поручика Валиханова в город Кашгар для того, чтобы изучить неизвестную «страну шести городов», простирающуюся за Тяньшанским хребтом, собрать обстоятельные сведения о гибели путешественника доктора Шлагинтвейта и разыскать, может быть, оставшиеся после него ценные труды и путевые заметки. П. П. Семенов принял участие и в составлении программы для предстоящих Валиханову в Кашгарии научных исследований.

В Кашгаре, кроме знаменитого Марко Поло (1272 г.) и иезуита Гаеса (1603 г.), до Валиханова удалось

побывать только двоим европейским путешественникам — неизвестному офицеру Ост-индской службы и ученому Адольфу Шлагинтвейту. Обоих постигла неудача. Первый до полусмерти был избит бамбуковыми палками, второй бесследно исчез, и до ученого мира дошли смутные вести о его смерти. Кашгария оставалась для мировой географии загадочным белым пятном.

Теперь из России сюда направлялся третий путешественник — Чокан Валиханов. Заветная его юношеская мечта исполнилась. Но для того, чтобы проникнуть в глубь Центральной Азии, ему пришлось, по совету семипалатинского купца Букаша Аупаева, принять имя Алимбая — кашгарца, двадцать лет назад ребенком вывезенного из Восточного Туркестана и не вернувшегося обратно, пришлось обрить голову и сменить офицерский мундир на восточный халат, назваться родственником караван-баши Мусабая и проделать трудный и опасный путь.

На долю Валиханова выпало продолжить маршрут Семенова, пересечь первым из европейских путешественников Тянь-шань и проникнуть в неведомую Кашгарию — «страну шести городов».

В то время это путешествие было чрезвычайно опасным. Китайские власти в Кашгарии и местные правители прилагали все усилия, чтобы не допустить в нее ни одного европейца. Ходили слухи, что англичане из Индии протягивают к Кашгарии руку и подстрекают кашгарцев к неповиновению Китаю, обещая поддержку оружием. Эти слухи беспокоили китайских правителей и вызывали у них недоверие вообще ко всем иностранцам.

Расположенная, словно на дне чаши, между хребтами гор Тянь-шаня, Памира, Куэнь-луня и Каракорума, пустынная Кашгария, с оазисами поселений по берегам рек, под владычеством китайцев никогда не знала успокоения: одно за другим следовали народные восстания, возглавляемые ходжи — потомками прежних кашгарских владык, бывших хозяевами страны до 1759 года, когда она подпала под власть Китайской империи.

Последнее восстание 1858 года возглавлял ходжи Валихан-тюря, отличавшийся небывалыми деспотизмом и жестокостью. На берегу реки Кизыл-су, в память о себе, он оставил пирамиду, воздвигнутую по его приказу из голов казненных китайцев и кашгарцев, впавших в немилость.

На подавление кашгарского мятежа из Илийской провинции через Муссартский горный проход пришли китайские войска. Они осадили город и разбили отряды ходжи Валихана-тюря. Сам он сумел скрыться и бежал в Коканд.

Карательные китайские войска, наводя в области «порядок», в жестокости превзошли даже жестокость ходжи Валихана-тюря. Они разграбили Кашгар, вытоптали хлебные поля, разрушили мечети и за городскими воротами воздвигли аллею из тонких жердей, на каждой из которых висела деревянная клетка с отрубленной головой какого-нибудь мятежного кашгарца. Аллея была длинна, и на устройство ее потребовалось отрубленных голов не меньше, чем на пирамиду Валихана-тюря.

2

28 июня 1858 года, выйдя из урочища Карамула по пикетной дороге, караван, с которым следовал Чокан Валиханов, под именем Алимбая, миновал цветущие долины Алатавских предгорий, пересек Джунгарский Ала-тау проходом Джаксы Алтын-Эмель и вышел в голую кремнистую долину реки Или.

Задержавшись два дня на переправе и отпраздновав на берегах Или «Курбан», караван сделал семнадцать усиленных переходов и 6 августа достиг первых киргизских кочевок. Почти месяц провели купцы среди киргизов, выменивая на баранов часть русских товаров, привезенных из Семипалатинска, где был снаряжен караван, и, наконец, направились к границам Китая.

Шли живописным Заукинским ущельем, образованным течением реки Зауки и впадающих в нее речек Заукучак, Кашка-ату и Дунгарана.

Обломки скал загромождали дорогу. Стены ущелья поднимались многоэтажными террасами, подъем достигал полутора тысяч метров высоты и был крут. Валяющиеся там и здесь скелеты животных предупреждали о его недоступности. Пошел густой снег, и это еще сильнее затрудняло подъем. Верблюды и вьючные лошади скользили по мокрым камням, карабкались на обломки скал, срывались и падали, скатываясь вниз.

Потерял пять верблюдов и двух лошадей, англичанцы

осилили подъем и вышли в гористую холодную страну, которую киргизы называли «сырт», что значит — спина.

Не переставая шел снег, и температура, по мере углубления в Тяньшанские горы, становилась все ниже и ниже. Хотя была только середина сентября и в низинах еще дозревали хлеба и плоды фруктовых деревьев, здесь, на перевале Джитим-асу, все было одето снежным саваном. Горные озера были скованы льдом.

Спуск с гор превзошел по своей трудности даже подъем из Заукинского ущелья. Двести баранов сорвались в бездонную пропасть с высоких обледеневших скал и только тридцати шести верблюдам каравана из ста одного привелось еще раз увидеть лето, царящее в низинах за Теректинским ущельем.

За время пути было несколько стычек с киргизами, промышляющими грабежом караванов, и уже почти у цели, километрах в 130 от Кашгара, в Теректинском ущелье, пришлось купить право на проход, дав подарок киргизу племени Чон-багыш по имени Атеке. Этот киргиз был грозой кашгарских караванов и удовольствовался данью, полученной с андижанцев, только потому, что им удалось убедить его в своем кокандском происхождении, а власть кокандского хана Атеке признавал.

После выхода из Теректинского ущелья караван как бы снова вступил в лето. По берегам реки тянулись леса с пышной листвой тополей, ив, барбарисов и кустов дикой розы.

Всю дорогу Чокан Валиханов вел дневник путешественника. Он аккуратно и подробно записывал в нем маршрут и географические сведения о крае, легенды и песни, услышанные у костров на привалах каравана. Однако, приближаясь к границе Китая, на южном склоне прохода Терек, Валиханов расстался со своим дневником. Он опасался обыска на каком-нибудь пограничном пикете и, зная о стремлении китайцев не допускать в Кашгар ни одного европейца, боялся, что дневник может вызвать подозрения.

Он раскрыл дневник и прочитал одну из последних записей:

«Окоченелые от холода, с растрескавшимися губами, мы не в состоянии раскрыть рта. В шубах, туго подпоясанных широкими поясами, с красными носами и посиневшими от холода лицами мы похожи на буддийских

бурханов. Шарообразные наши халаты, как панцыри, сковывают движения рук... Глубокое молчание. Окрестная картина придает еще больше уныния и наводит мрачные думы. Кругом голая, черно-желтая вытравленная долина. Скелеты лошадей и баранов покрывают всю долину, и на многих из них еще уцелела кожа и видны высохшие куски мяса» [3].

Потом взял карандаш и перед тем, как зарыть в землю дневник, сделал в нем последнюю запись.

«Южный склон, где мы теперь стоим, заметно потеплел, есть ковыль и чий. Торопились. Дневник сейчас зарывается в землю, и, если не испортит сырость, опять покажем ему белый свет. До свидания! Дневник писан крайне беспорядочно, для памяти. Нужно его привести в систему. Общего понятия о пройденной местности по мне, конечно, никто не получит. Завтра, может быть, дойдем до караула и, бессомненно, подвергнемся тщательному обыску. Через два дня будем в Кашгаре. Что далее?..» [4]

Трудный и опасный путь был окончен, но главные опасности предстояли впереди.

До китайских чиновников дошли слухи, что к Кашгару приближается караван в пятьсот верблюдов, во вьюках которых находится огнестрельное оружие, и что ведет этот караван русский офицер, имеющий какие-то скрытые цели.

Эти слухи не на шутку встревожили кашгарских правителей. Но не успели они решить, что делать с караваном, как у городских ворот появился сам его начальник — караван-баши. Он просил пропустить его в город, чтобы отдать «салям» кокандскому купеческому старшине — аксакалу (должность, подобная консульской), которого якобы знал хорошо лично и был с ним в дружеских отношениях.

Караван-баши, к удивлению китайских чиновников, оказался всего только мирным андижанским купцом. Это был Мусабай Тохтубаев, действительно хорошо известный кокандскому аксакалу и некоторым кашгарским купцам.

Кокандский аксакал радушно встретил Мусабая и обещал ему покровительство, но китайский генерал и хаким-бек (туземный правитель Кашгара) продолжали с недоверием относиться к прибывшему с запада

каравану и, соблюдая осторожность, выслал навстречу ему опытных чиновников для осмотра груза.

Посланные хаким-бека осмотрели вьюки, пересчитали верблюдов, которых вместо пятисот было только тридцать шесть, и, убедившись, что среди купцов и рабочих нет ни одного европейца, впустили караван в город.

Однако, несмотря на благополучный исход осмотра каравана, Валиханову все же нужно было соблюдать осторожность и, чтобы не быть узнанным, вести образ жизни богатого андижанского купца, строго подчиняясь всем обычаям Кашгара. Следуя законам страны, ему даже пришлось вступить во временный брак с «чаукен» — так назывались молодые женщины, из среды которых каждый приезжий мусульманин должен был выбрать себе жену на срок пребывания в городе.

Товары, привезенные караваном, были размещены в одиннадцати лавках караван-сарая, а истощавший за дорогу скот отправлен на пастбище для откорма.

Торговля шла бойко. Узкие улицы и базарные площади были заполнены народом.

В шумной толпе, среди смуглых, почти черных лиц кашгарцев, с впалыми глазами и тонким изогнутым носом, мелькали лица персов и индусов, сохранившие классические черты древних иранских народов, лица волжских татар, цыган, армян и евреев.

Музыкальные хоры на базарных площадях смешивались с многоголосным гулом толпы. Звучала двухструнная лютня дутар, стонали под смычком восемнадцать металлических струн ситара, под ударами палочек звенели цимбалы рабаб и слышался веселый смех маленьких бубнов чермендэ.

Белые чадры чаукен мелькали в толпе, среди арбузообразных шапок из золотой парчи и атласа, шапок с бараньими и лисьими опушками кашгарцев и пышных тюрбанов бухарских купцов.

Известие о приезде Алимбая, торгующего в караван-сарае, немедленно облетело не только Кашгар, но дошло и за горный хребет, в Кокандское ханство, и проживающая там бабушка настоящего Алима выслала «внуку» в подарок аракчан, расшитый золотом.

Многочисленные родственники мнимого Алимбая наперебой приглашали его к себе в гости, угощая самыми изысканными кушаньями.

Кашгарские купцы, пораженные сметливостью и умом возвратившегося после двадцатилетнего отсутствия их молодого соотечественника, отнеслись к Алимбаю с уважением, как к старому купцу, украшенному сединами мудрости.

Караван-баши встретил в Кашгаре много знакомых, земляков и даже родственников. Он познакомил с ними Алимбая.

Торгуя в караван-сарае, Алимбай — Валиханов — скоро узнал не только торговых людей различных племен Кашгара, Коканда, Бухары, но и подружился с учеными ахунами, некоторыми чиновниками и даже с избежавшими казни участниками народных кашгарских мятежей 1825 и 1857 годов.

В беседах с купцами и ахунами Валиханов собирал сведения о всех шести городах страны — ведь до сих пор никто не знал ни их расположения, ни расстояний между ними, ни чем они замечательны. Только названия их неясным слухом через случайных купцов доходили до ученых.

Эти шесть городов, давшие имя всей стране*, были разбросаны по пустынной Кашгарии и соединялись только древними караванными путями. Унылые стены, цвета выжженной солнцем земли, заслоняли их от взоров путешественников. Даже мечети, лишенные минаретов, не поднимались выше стен. Однообразный серый глиняный пояс, толщиной до десяти и вышиной до двадцати метров, тянулся по равнине, замыкая в кольцо небольшие дома, мечети и базарные площади. Невысокие сторожевые башни китайской архитектуры, построенные на углах стен, как бы напоминали о соседстве китайских войск, крепости которых были расставлены по стране, как часовые около глиняных городов кашгарцев.

Каждый из шести городов был замечателен какой-нибудь особенностью. Кашгар славился торговлей чаем; Янги-Гисар — гашишом и лотосом, растущим в саду хаким-бека; Яркенд, самый большой кашгарский город, славился дворцом наместника, древней мечетью с минаретом, единственным во всей Кашгарии, и торговлей невольниками; утопающий в садах Хотан был знаменит

---

* Алтышаари — как называли туземцы свой край — в переводе означает «шесть городов».

шелковичными червями и производством шелковой материи «даран», бязи, ковров и тонких войлоков; Ак-су славился выделкой лучших кож и богатством овечьих стад, а самый маленький, Уч-Турфан, насчитывающий только четыре тысячи домов, имел печальную славу после того, как в 1765 году во время мятежа все его жители были истреблены китайцами, а на их месте были поселены пятьсот семей хлебопашцев, собранные со всех концов страны.

В свободное от коммерческих дел время Валиханов разъезжал по окрестностям Кашгара и изучал жизнь страны.

От города к городу тянулись примитивные дороги с устроенными на них китайскими почтовыми станциями. На каждой такой станции — «уртенг» жило 15—20 китайских солдат с офицером и столько же семейств туземцев, несших ямскую повинность.

За оазисами поселений расстилалась песчаная пустыня, кое-где поросшая костлявым саксаулом, похожим на сухие скелеты каких-то чудовищных птиц, и обитаемая только стадами куланов — диких ослов, да пугливых сайгаков.

Около поселений, по берегам рек, лежали плохо обработанные поля риса, пшеницы, джугары (сорго); попадались участки, засеянные травянистым хлопчатником. Фруктовые сады были запущены... Валиханов интересовался способами орошения, урожаями, записывая время созревания различных растений. Между прочим он установил, что слухи о возделывании в Кашгарии сахарного тростника (о чем писал, например, даже Риттер в своем «Землеведении Азии») ошибочны; вероятно, слухи эти были порождены тем, что один из сортов широко распространенной здесь джугары имеет сладкий сок, любимое лакомство местных ребятишек. Валиханов интересовался рудами и горнозаводским делом, туземными ремеслами и отметил себе, что здесь «собственно мануфактур нет, а есть рукомесло»; при этом он пришел к выводу о страшной застойности здешнего ремесленного производства, в сущности ничем не отличающегося во время его посещения от описания, оставленного китайским путешественником VII века Гуэн-Теаном.

В жалких глиняных мазанках, обнесенных стенами, ютились кашгарцы. Их скорбные лица без слов расска-

зывали о народной нищете и бесправии. Валиханов выслушивал невеселые рассказы о тяжелой барщине, наложенной на кашгарский народ. Горожане должны были доставлять для своих патронов-чиновников, беков и маньчжурских солдат все продукты: мясо, сало и овощи, крестьяне же пахали для них землю и выполняли все домашние работы.

Талантливые народные певцы пели Валиханову свои песни, и он запоминал их, зная, что народная песня — страница неписанной истории страны.

— Трудно, — пели певцы, — содержать в кашгарском городе лошадь, потому что связка сена стоит двенадцать пулбо. Но еще труднее сохранить голову.

Положение «купца» помогало Валиханову изучать экономику страны и ее политическое положение. А вечерами он разбирал рукописи и старинные книги, которые ему удавалось достать у знакомых купцов, и становился историком... Шаг за шагом накоплялись у него заметки «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Малой Бухарии»; год спустя они явятся откровением для чиновников Азиатского департамента Министерства иностранных дел в Петербурге, а затем попадут на страницы изданий Географического общества и откроют для всего ученого мира завесу над таинственным Кашгаром.

Валиханов записывал в дневник, который вновь начал вести:

«Лето отличается сильными жарами и воздух делается невыносимо удушливым от густых облаков пыли, тем более, что не охлаждается дождями, которые здесь весьма редки. Жители Восточного Туркестана необыкновенно боятся грозы. Если горизонт покрывается тучей, то все ахуны со своими школьниками выходят на террасу мечетей и читают громко молитву «Кнут», которой приписывают силу разгонять облака. Причины боязни заключаются в том, что после дождей земля покрывается солями, вследствие чего бывает худой урожай, и, наконец, потому что все дома, построенные из битой глины, имеют плоские крыши, так что если бы здесь шли проливные дожди, то города Малой Бухарии подвергнулись бы несомненному разрушению. Зимой снег лежит не более трех-четырех дней; реки всю зиму не замерзают...» [5] Валиханов писал, а его ученик терпеливо

ВИБЛИОТЕКА
Г. ШВМС СССР
ФИЛИАЛ
Центральной

ожидала, когда он закончит записи в торговую книгу, как думала она, купеческих сделок и полученных за день барышей.

Она знала, что Алимбай, соскучившийся по своей родине в чужих странах, куда был увезен ребенком, будет долго расспрашивать ее о всевозможных кашгарских событиях и будет слушать с таким же вниманием, с каким шах Шехриаре слушал тысяча одну сказку своей жены.

Она рассказывала Алиму о мятежах и смутах, бывших в Кашгарии, об иностранных купцах, о их торговых караванах, проходящих древними путями по всем шести городам страны: Кашгару, Яркенду, Янги-Гисару, Хотану, Ак-су и Турфану, открытым властителями Китая для торговли с соседними азиатскими народами и дикокаменными киргизами.

Она много знала, потому что, в отличие от других мусульманских городов, кашгарским женщинам была предоставлена большая свобода.

Она рассказывала Алиму о восстании Валихана-тюря и о том, как страшен был ходжи в момент опьянения гашишом. Как однажды зарубил сына лучшего оружейника Кашгара, потому что хотел испытать, остра ли сделанная его отцом сабля.

Мастер, слыша о славе Валихана-тюря, пришел, чтобы поднести ему в дар лучшие свои сабли. С собой он взял сына, и тот, стоя на коленях перед ходжой, на вытянутых вперед руках, держал разложенные для показа сабли. Они горели синим огнем невиданной закалки и понравились Валихану-тюря красотой своей отделки.

Ходжа был милостив и даже удостоил мастера разрешением поцеловать руку.

Потом он взял одну из сабель и спросил:

— А остра ли она?

— Остра, — отвечал мастер.

— Попробуем,—сказал ходжа и, взмахнув саблей, отрубил голову сыну мастера. Затем он взглянул на красный след, оставшийся на синей стали, и проговорил:

— Да, отличная сабля, — и приказал наградить мастера почетным халатом.

Она рассказала, как был казнен музыкант, осмелившийся зевнуть в то время, когда услаждал слух пирующего ходжи.

Она рассказывала и о том, как отрубили голову приехавшему в момент осады города китайцами одному белому длинноволосому френгу (иноземцу).

Услышав о казни европейца, Валиханов насторожился и просил рассказать ему подробно о том, что известно чаукен об этом необычном посетителе Кашгара.

— Френг был высок ростом; он носил длинные волосы, и голова его не была покрыта шапкой, — рассказывала чаукен. — Он приехал в Кашгар и, прежде чем явиться для поклона к Валихану-тюря, разыскал богатого маргеланского купца Наман-бая и просил достать для подарка ходже индийской золотой парчи и кашмирских шалей. Но Наман-бай не успел выполнить поручения френга.

Воины Валихана-тюря схватили этого длинноволосого человека и повели к ходже. Они надеялись, что иностранец поможет мудрым советом отразить войска китайцев, которые стояли у стен города.

Но Валихан-тюря в тот день предавался курению гашиша, и ему не нужна была ничья помощь. Когда к нему привели френга, ходжа потребовал все бумаги, которые вез с собой иностранец.

Френг не захотел отдать бумаг, словно в них заключались несметные богатства. Он сказал, что все бумаги направлены кокандскому хану и только ему он отдаст их.

— Я видела, — говорила чаукен, удивляясь необычному волнению, с которым слушал ее муж, — как френга вели к городским воротам через новую площадь с мечетью. Ветер раздувал полы его халата и разметал волосы. Френг шел быстро, шагая широко, и глядел на вершины гор... Потом верховые воины Валихана-тюря привезли отрубленную голову френга и бросили на вершину кучи голов, которую наверно уже видел Алим на берегу реки Кизыл-су. Она долго отличалась от других голов своей белизной, пока солнце и ветер не сделали ее такой же черной, как и остальные.

— А где бумаги, которые отобрал у френга Валихан-тюря? — спрашивал Валиханов.

Но чаукен, как, впрочем, и никто в Кашгаре, не знала, что сделал Валихан-тюря с документами френга. Она также не знала, что этот длинноволосый френг был известный ученый-географ доктор Адольф Шлагинтвейт, который предпринял смелое путешествие из Индии через

Каракорумский перевал Куэнь-луня в Центральную Азию, чтобы достигнуть Тяньшанского хребта с южной стороны.

И, может быть, идя на казнь, он смотрел на далекие горы Тянь-шаня, надеясь увидеть над ними облако дыма огнедышащих гор, наличие которых в Тяньшанском хребте предполагал его учитель, знаменитый Гумбольдт.

3

С небольшим купеческим караваном все в той же роли Алимбая Валиханов сделал попытку попасть и в столицу Восточного Туркестана и резиденцию Хебэ-амбаня — город Яркенд.

Купцы были озабочены предстоящими коммерческими делами, торопились и удивлялись поведению своего спутника, который, по их мнению, вел себя неподобающе для солидного купца.

Алимбай поминутно останавливал лошадь и, спешившись, собирал раскаленные солнцем камни или срывал жесткую запыленную степную траву. Он долго, как знахарь, рассматривал стебли трав, ударял камнем о камень и крохотные осколки их брал с собой.

Он с любопытством осматривал уртенги с китайской стражей и туземными ямщиками и дивился сигнальным маякам, расставленным по степи, для быстрой передачи в Китай известий в случае войны или волнения в стране. Он заходил в хутора, останавливался на берегах рек и около многочисленных арыков и расспрашивал своих спутников даже о всякой мелочи, встречающейся по дороге.

Со второго уртенга Кизыл местность сильно изменилась. Исчезли рощи, хутора и журчащие арыки. Их сменила бесплодная степь Кум-Шайдан, и дальше потянулись всхолмленные пески с редкими горько-солеными озерами, обросшими жестким камышом.

Однако каравану не удалось добраться до Яркенда. На пути его догнал посланец с письмом из Кашгара. Друзья сообщали о дворцовом перевороте в Коканде,— новость, которая имела для купцов-кокандцев первостепенное значение. В этом же письме говорилось о тревожном состоянии Кашгара, до которого дошли слухи,

что Валихан-тюря бежал из Коканда и вновь собирает войско, чтобы итти на Кашгар.

Пришлось отказаться от намерения ехать в Яркенд и повернуть назад. Смена хана в Коканде неизбежно вела к смене и кокандского аксакала, которому купцы были подчинены.

Когда караван вернулся в Кашгар, старый кокандский аксакал был уже взят под стражу. Валиханов подробно записал церемониал встречи нового аксакала, который приехал в Кашгар вместе с послом нового кокандского хана.

Церемониал этот был очень торжественным. Все иноземные купцы, заплатив по штуке чая «за радостное известие», вышли навстречу послу и новому консулу, а более почетные выехали даже встречать его на первый пикет.

По аллее, с черепами в деревянных клетках, двигалась процессия. Впереди кортежа, верхом на лошади, ехал глашатай, с криком: «берегите поводья», возвещавший народу о приближении аксакала. За ним пажи вели несколько аргамаков в золоченой и серебряной сбруе, покрытых богатыми чепраками. Дальше, окруженные свитой, двигались сами знатные гости.

Встретив кокандского аксакала, купцы заплатили пошлину за приезд своего нового начальника и поднесли ему по обычаю богатые подарки для первого «селяма».

Новый аксакал оказался человеком обходительным и приятным собеседником. Веселое общество он предпочитал работе консула.

Положение андижанских купцов в Кашгаре не только не ухудшилось, но даже упрочилось. Они полюбились аксакалу. Каждый вечер он приглашал их к себе или сам приезжал в гости, предварительно уведомив об этом через кого-нибудь из своих приближенных. Он даже подарил купцам лошадь с прибором, парчевый халат и сапоги.

Но андижанские купцы, несмотря на гостеприимство аксакала, торопились в обратный путь. Товар был распродан, лошади и верблюды отдохнули, и раны, натертые на их спинах вьюками с железной утварью, подлечились и заросли.

Но не это заставляло спешить андижанцев. Опять по городу стали ходить слухи, что с караваном Мусабая

приехал русский офицер, который скрывается где-то на хуторах вблизи пастбища верблюдов.

Эти слухи привезли с собой ташкентцы, приехавшие из Семипалатинска с караваном, который вышел позже каравана Мусабая.

Слухи дошли даже до Коканда, и оттуда был прислан чиновник с поручением осмотреть хутора и проверить всех рабочих каравана, находящихся при верблюдах.

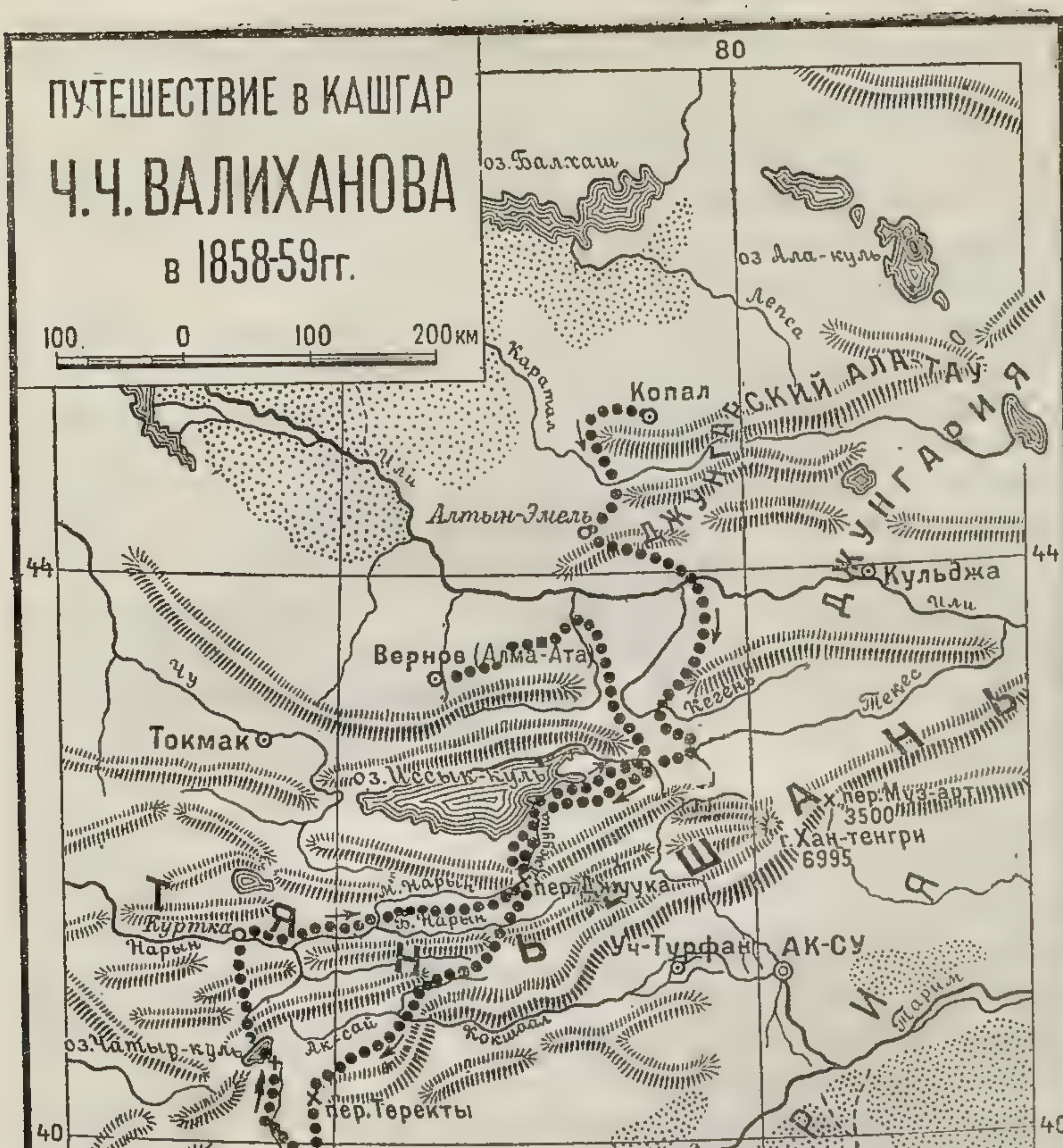
Чиновник приехал, проверил, но, не найдя ни одного русского, уехал в Коканд с докладом о вздорности привезенных ташкентцами сведений. Этому помог и кокандский аксакал, который, зная лично всех купцов каравана, смеялся над нелепостью слухов, неизвестно для чего распускаемых в городе, и без того встревоженном известиями о побеге и замыслах ходжи Валихана-тюря.

А в Кашгаре, тем временем, опять было введено военное положение. В дынзе (полиция) собирали дротики и копья. По ночам снова разъезжали патрули, освещая факелами темные улицы, и жителям было запрещено после заката солнца выходить из домов. На стенах города дежурили чиновники и перекликались часовые усиленных караулов. Наблюдательные отряды и конные дозо́ры были высланы к границам и стерегли зловещее молчание степей.

Алимбай готовился к отъезду. Он упаковал свои коллекции древних монет и горных пород, собранные во время путешествия по «стране шести городов», и уложил между образцами туземных тканей и английских товаров, купленных на кашгарском рынке, самое ценное свое приобретение — древние книги, среди которых находилась рукопись «Тазкирян Ходжагян»—перечень потомков Магомета, духовных лиц страны, доведенный до 1758 года, когда город Яркенд пал под ударами китайских войск.

Во вьюк верблюда, несущего на своей горбатой спине личные вещи Алимбая, были уложены даже куски нефрита, добываемого в горах Мирджей около Яркенда и в реке Кара-каш, долорской яшмы, мрамора, хрусталя и золотой песок из реки Керия.

Караван, сопровождаемый толпой провожающих, 13 марта вышел за городские ворота и, перейдя через деревянный мост никогда здесь не замерзающей реки Тюмень, отправился в обратный путь за хребет Тянь-шань.


ПУТЕШЕСТВИЕ в КАШГАР
Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА
в 1858-59гг.
100. 0 100 200км
80
44
40
36
76
80
оз. Балхаш
оз Ала-куль
Лепса
Каратал
Или
Копал
ДЖУНГАРСКИЙ АЛА-ТАУ
ДЖУНГАРИЯ
Алтын-Эмель
Кульджа
Или
Верное (Алма-Ата)
Чу
Токмак
Кегень
Текес
оз. Иссык-куль
пер. Муз-арт 3500
г. Хан-тенгри 6995
ТЯНЬ-ШАНЬ
М. Нарын
Б. Нарын
Куртка
Нарын
пер. Джуука
Уч-Турфан
АК-СУ
Тарим
Кокшаал
Ак-сай
оз. Чатыр-куль
пер. Теректы
ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН
Яркенд
Артыш
Кизыл-су
КАШГАР
Янги-Гисар
ЯРКЕНД
ПУСТЫНЯ ТАКЛА-МАКАН
ПАМИР
КАРАКОРУМ
Хотан
Кара-каш
Яркенд
Керия
КУНЬЛУНЬ

А впереди каравана уже бежали со всех сторон слухи, торопясь разнести весть о сказочном богатстве возвращающихся из Кашгара андижанских купцов, о «железной доске», на которой восседает караван-баши, и о «чудесном ящике на горбах самого сильного верблюда, ящике, в котором растет золотое дерево и живет неслыханно голосистый соловей».

Комендант крепости Куртки и начальник тяньшанских киргизов Мамразык-датха, до которого дошли эти слухи, выслал в караван даже секретных соглядатаев, которые должны были сообщать ему обо всем, что они слышат и видят. Мамразык-датха боялся, что караван минует крепость и ему не удастся получить с андижанских купцов богатый зекет (пошлина).

Валиханов сделал прощальные подарки кашгарским друзьям и, получив билет на право выезда за границу, догнал караван невдалеке от селения Устун-Артынш.

Путь каравана лежал по течению реки Тоин на караул Ташик-Таш.

Весна была в полном разгаре. В кашгарских садах зацвели абрикосы и готовы были распуститься созревшие бутоны тюльпанов. Но чем дальше поднимался караван по долине реки Тоин с берегами, поросшими мелким тополем и кустами облепихи, тем весна становилась моложе и в ущельях еще белел снег, а в низинах только кое-где начинала зеленеть трава.

Степные кочевники во время пути с караванами пели песни, а Алимбай предавался воспоминаниям и мыслям о только что изученном им крае.

Он чувствовал себя усталым и разбитым. Слабое здоровье его было подорвано трудным путешествием и постоянными волнениями.

Алимбай снова превращался в Валиханова и так же, как в начале своего путешествия стремился в загадочный Кашгар, теперь стремился возможно скорее перевалить Тяньшанский хребет и вернуться на родину. Ему, хотелось скорее приняться за обработку собранных материалов.

Караван двигался путями, не отмеченными на карте. Три дня он поднимался вверх по течению реки Тоин, ночевал при истоках ее в урочище Торгат и направился к горному озеру Чатыр-куль.

Погода становилась все холоднее, и воспоминания о цветущих в Кашгаре абрикосах казались сном.

В долине озера Чатыр-куль лежал еще не тронутый солнцем снег. Озеро было сковано льдом.

Люди каравана лопатами проделывали в снежных сугробах узкую тропу для прохода верблюдов.

Валиханов мерз и ощущал неприятный озноб. Он кутался в свой ватный халат, но никак не мог согреться, и его пугала мысль о приближающейся болезни.

Он торопил погонщиков верблюдов.

Валиханову как можно скорее хотелось перебраться через тяньшанский хребет, он соскучился по России, и его волновали события, происходящие в Кашгаре. Он боялся, что был узнан кем-нибудь из прибывших с караванами ташкентских или кульджинских купцов, и остерегался погони.

Только 12 апреля 1859 года, пересекши долину Нарына и пройдя к Иссык-кулю уже знакомым Заукинским ущельем, Валиханов прибыл в Верный и мог считать себя в безопасности. Все его путешествие заняло 10½ месяцев.

4

Весенним днем 1860 года на Марсовом поле в Петербурге, во время парада, встретились два молодых человека. Один из них, молодой родовитый князь с выхоленным и не по возрасту брюзгливым лицом, был очень недоволен публикой, которая в желании получше разглядеть проходящих церемониальным маршем кирасир, уланов и драгун, не всегда была предупредительна в своих движениях.

— Что это публику не почистят, — желчно сказал князь своему соседу, брезгливо косясь в сторону мастерового, который неосторожно задел его плечом.

Сосед князя, молодой штаб-ротмистр, худощавый и стройный человек, с черными усиками над насмешливыми губами, оглянулся и с иронией, но учтиво, спросил:

— А вы читали, как Разин чистил публику?

Штаб-ротмистр был Чокан Валиханов, вскоре после возвращения из Кашгарской экспедиции вызванный Министерством иностранных дел в Петербург.

Замечание князя не понравилось Валиханову. Было в словах этого барина ничем не оправданное презрение к человеку только потому, что тот носил рабочую чуйку,

и Чокан невольно вспомнил китайских мандаринов, которые палкой расчищали себе дорогу от простого люда на узких шумных улицах восточных городов.

Они тоже чистили публику...

Князь посмотрел на штаб-ротмистра с удивлением, но ничего не ответил и, очевидно, сокрушаясь, что свободомыслие проникло даже в ряды офицеров, неодобрительно покачал головой.

У князя были основания сокрушаться. Общественная мысль Петербурга в то время была на революционном подъеме. Все чаще и чаще слышалось крылатое слово «свобода». Прогрессивные интеллигенты с жаром обсуждали вопросы предстоящего освобождения крестьян, женского равноправия, свободы личности.

Чернышевский, Добролюбов, Герцен со страниц «Современника» и «Колокола» с заразительной страстью призывали к «доброму делу», которым, обходя цензуру, они называли революцию.

Чокан Валиханов был захвачен этими новыми идеями. Он как бы подсознательно чувствовал, что при осуществлении их разрешится и тот вопрос, который в самой ранней юности занимал и мучил его.

Валиханов был русским офицером и в то же время степным кочевником, любящим свой народ и тревожащимся за его судьбу. Он понимал, что расцвет его народа возможен только при помощи России, и мечтал о будущем культурном единении этих народов.

В Петербурге у Валиханова появились сотни знакомых, встречи с которыми были для Чокана столь же необходимы, как и чтение книг.

Он познакомился и сблизился с поэтом Майковым, с Полонским, продолжал встречаться с Достоевским, который только что вернулся в Петербург и был занят работой над повестью «Униженные и оскорбленные».

Петербургские ориенталисты (востоковеды) наперебой стремились познакомиться с Валихановым — ведь здесь они могли черпать материал, так сказать, из первых рук. Валиханов, в свою очередь, торопился научиться у них всему тому, чего он еще не знал. Так, он очень жалел, что не владеет еще китайским языком, знание которого он считал очень важным для изучения Средней Азии. Валиханов бывал у профессора Березина, у китаеведа Васильева и других ученых.

В Географическом обществе, членом которого был избран, он встретился снова с П. П. Семеновым и под его руководством подготовлял к изданию этнографические материалы о жизни киргизов, одновременно работая над составлением карты Средней Азии.

Письменный стол в кабинете Валиханова был завален рукописями. Здесь были и «Очерки Джунгарии» и «Записки о дикокаменных киргизах», и дневники поездок в китайский город Кульджу и в Кашгар. Но главное место занимали, конечно, записи песен и легенд среднеазиатских народов.

В своих научных очерках и статьях, которые он напечатал в книжках «Записок» и «Известий» Географического общества и которые уже много лет спустя после его смерти Географическое общество собрало и издало в виде отдельного толстого тома, Валиханов выступает прежде всего как этнограф. Даже там, где ему приходилось впервые описывать вовсе не посещенные до него страны, как восточную Джунгарию и Кашгар, он больше всего говорит не о природе, а о людях — их обычаях, нравах, языке, преданиях. Будучи «ориенталистом по рождению», Валиханов тонко понимал самобытность жизни кочевых народов Востока и стремился донести до образованного русского общества их культурные сокровища. Он много занимался разбором записанных им во время его путешествий народных «джир» (былин). Замечательное произведение киргизского эпоса «Манас» стало впервые известно русской науке через Валиханова. В годы, когда большинство даже образованных людей в России считали кочевые народы Средней Азии попросту некультурными дикарями, Валиханов назвал эту поэму степной Илиадой. «Манас, — писал Валиханов, — есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса... Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее» [6]. Он подробно излагает ее содержание и добавляет: «Один эпизод из поэмы Манаса, именно тризна по Кунетай-хане, записан мною со слов киргизского рапсода. Вероятно, это первая киргизская речь, переданная на бумагу. Я занимаюсь переводом этого произведения

и хочу составить маленький словарь, чтобы познакомить ориенталистов с наречием, до сих пор совершенно неизвестным» [7].

Валиханов перевел также джир «Идиге», занимался изучением домусульманского шаманства, сохранившегося у киргизов, исследовал древнее вооружение и доспехи кочевников, их родословия, сравнивал киргизский и казахский эпос с русскими сказками и былинами.

Валиханов был разносторонен. Его интересовали все стороны жизни народов, обычаи, административные порядки и политическое положение тех стран, в которых он побывал.

Внимательный и пытливый, Валиханов умел видеть самые главные стороны жизни восточных народов. Ему это было тем легче, что он наблюдал эту жизнь не со стороны, а стоя в самой ее гуще.

«Податной класс, — писал он в записках о Кашгарии, — находится в Восточном Туркестане в самом жалком состоянии... Чиновники ничего не делают, получают жалование от китайцев, поборы с туземцев, а народ трудится, чтобы уплатить законные налоги, насытить корыстолюбие китайцев и беков и чтобы не умереть с голода. Народ живет бедно, терпит нужду и трудится вечно» [8].

Валиханов торопился. Он словно чувствовал, что страшная болезнь стережет его на каждом шагу, чтобы свалить с ног, и старался не потерять напрасно ни одного часа жизни в столице.

Преодолевая недомогание от развивающейся болезни, он продолжал работать, писал статьи для энциклопедии, изучал французский и английский языки, а вечерами проводил часы досуга в кругу друзей, в жарких спорах или в веселье старался заглушить тревогу о все ухудшающемся здоровье.

Работы было очень много. Материалы, накопленные во время путешествия по Джунгарии, в Семиреченском, Заилийском крае и на озере Иссык-куль в 1856 году, когда Валиханов участвовал в первой экспедиции полковника Хоментовского, во время трехмесячной жизни в Кульдже и пятимесячного пребывания в Кашгаре, требовали обработки и обобщения.

Этнографические очерки, статистические сведения, исторические известия, памятники народной литературы уйсунов и дикокаменной орды, описания фауны и флоры

Джунгарии и путевые записки поездки в Кашгар составляли объемистую пачку тетрадей.

Валиханов понимал важность и значение для науки обработки всех этих материалов.

Он первым из путешественников обследовал восточное побережье озера Иссык-куль, изучил фауну Джунгарии, первым и единственным из европейских ученых дал подробное описание неведомой Кашгарии — «страны шести городов», в которую совершил беспримерно трудное и опасное путешествие. Он познакомил мир с совершенно неизвестной литературой казахов, киргизов и среднеазиатских народов и способствовал правильному пониманию их исторического процесса.

Планы были большие, но выполнить всех намеченных работ Валиханову не удалось.

Врачи, под наблюдением которых он жил в Петербурге, запретили ему заниматься умственным трудом, требовали немедленного возвращения в степь. Чахотка развивалась. Петербургский сырой климат губил Чокана, и в 1861 году, весной, когда приближались таинственные белые ночи, он покинул северную столицу и уехал в степь к своему отцу.

5

Под лисьими киргизскими шубами посредине комнаты лежал Чокан Валиханов. На его осунувшемся лице горели темные пятна, и глаза были воспалены.

На полу валялась раскрытая книга.

Лучи холодного зимнего солнца покоились на подоконнике и золотили крашеный пол.

Валиханов лежал неподвижно и оживился только, когда за окном послышался скрип шагов по заснеженным мосткам досчатого тротуара.

Чокан приподнял голову и стал смотреть на дверь. Он не сомневался, что Григорий Потанин, приехавший на зиму в Омск с экспедицией астронома Струве, которая работала в южном Алтае и Тарбагатае, обязательно придет навестить больного товарища, как только получит его записку.

Действительно, через некоторое время дверь растворилась, и в комнату вошел Григорий Потанин.

Валиханов увидел его освеженное морозом лицо и,

вместо приветствия, как бы прося извинения за свой болезненный вид, сказал:

— Разлагаюсь...

— А я не думал, что ты здесь, — сказал, подходя к нему и пожимая ему руку Потанин; — я считал, что ты в ауле.

Валиханов помолчал, потом стал рассказывать Григорию Николаевичу о своих неудачах.

— Трудно одному бороться со всеми, — говорил он; — вижу, что истина, как бы она ни была светла, не может прогнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем.

Он рассказывал, как поссорился с отцом из-за отказа жениться на нелюбимой девушке, которую Чингис Валиев сам избрал для сына невестой, как был осмеян родными за собирание казахских сказок и легенд и прозван окружающими слабодушным чудаком, как хотел сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников и защитить свой народ от произвола чиновников и деспотизма богатых казахов, и как выборы для него кончились неудачей потому, что генерал-губернатор не захотел утвердить кандидатуру Валиханова, боясь его слишком демократических взглядов, а чиновники, получив взятки от противников Чокана, сделали все возможное, чтобы провалить его на выборах.

Потанин видел перед собой совершенно больного и разрушенного невзгодами человека; он понимал, как трудно было Валиханову из-за болезни отказаться от любимой работы исследователя-путешественника, а также от насаждения демократических идей и просвещения в глухих аулах Казахстана...

В 1865 году Валиханов скончался от туберкулеза и был похоронен на местном кладбище в урочище Кучен-Тоган, недалеко от почтовой станции Алтын-Эмель.

Современнику Валиханова, юноше Джамбулу Джабаеву — будущему великому казахскому акыну — довелось увидеть, как в нашу эпоху советский народ по достоинству оценил труды и идеи замечательного путешественника и ученого.

Григорий Николаевич Потанин

Г. Н. ПОТАНИН

1

20 июля 1876 года небольшой караван вышел из городка Зайсана в долину Черного Иртыша.

Караван не был похож на обычные купеческие караваны. Вьюки его верблюдов не отягощала кладь товаров, и вместо вооруженной охраны с ним ехали только восемь всадников, среди которых была одна женщина.

Это двигалась в глубь северо-западной Монголии экспедиция Потанина, чтобы собрать географические сведения о стране, простирающейся между хребтами Тянь-шаня и Танну-ола.

Участники экспедиции — Потанин с женой, топограф Рафаилов, молодой монголовед Позднеев *, студент-зоолог Березовский, отставной гвардейский унтер-офицер Коломейцев (специалист по изготовлению чучел птиц) и два казака, взятые в помощь при топографических съемках,—ехали верхами. Палатки и имущество, необходимое для длительного путешествия, несли верблюды на своих горбатых спинах.

Мириады комаров напали на путешественников во время первого же ночлега. Воздух звенел от их унылого и назойливого пения. Кожа на лицах людей горела, словно ее беспрерывно посыпали горячим пеплом. Пламя

---

* Впоследствии видный монголовед, профессор монгольского языка в Петербургском университете и директор Восточного института во Владивостоке. А. Н. Позднеев известен также своей большой экспедицией, совершенной им самостоятельно в 1892—1893 годах в Монголию, результаты которой составили несколько томов капитального труда «Монголия и монголы».

свечи, зажженной Потаниным, было мгновенно угашено комарами, которые тысячами бросились на ее манящий свет.

В теплое время года комары были полновластными хозяевами долины Черного Иртыша. Даже привычные к ним кочевники отступали от их полчищ в горы и возвращались в долину только с приходом зимних холодов.

Десять дней шел караван по безлюдной долине. Стаи краснокрылых кузнечиков с шумом поднимались из-под ног верблюдов, сновали ящерицы, едва отличимые по цвету от желтой земли. В небе свистели жаворонки, но, как только падало за горизонт вечернее солнце, все звуки степи опять заглушались неистовым и назойливым комариным пением.

Озеро Улюнгур встретило путешественников птичьими криками. Здесь были и гуси, и утки разных пород, и кулики, и бакланы, и лебеди, и даже розоватые птицы-бабы. Белый птичий помет покрывал берега толстым слоем, похожим на рассыпанную известь.

Проводник-монгол рассказывал удивленным путешественникам, что не только птицами богато озеро, но и множество зверей водится в его окрестностях, а в глубине живет еще никем не виданная водяная корова «су-сиир», которая только зимой выходит на лед озера и пугает своим мычанием таящихся в камышах кабанов, волков, лисиц и случайных путников.

Проводник с недоверием отнесся к разъяснению Потанина, что, очевидно, скрип льдов принимают за мычание неведомой коровы «су-сиир». Он долго смотрел в темные воды Улюнгура, может быть, в надежде увидеть таинственное чудовище, в существование которого верил.

Обогнув озеро Улюнгур с юга и миновав глиняную стену китайского селения Булунтохой, караван на долбленных лодках переправился через Черный Иртыш и вступил в безлесные предгорья Монгольского Алтая.

Между редкими полями, засеянными голозерным ячменем, пшеницей, горохом, просом, лежала песчаная неплодородная почва с примесью глины и блесток слюды. Иногда попадалось редколесье костлявого саксаула или заросли высокого чия с жесткими, как железные прутья, стеблями.

У подножья гор расстилались посевы мака, и китайцы надрезали тончайшими кривыми ножами созревшие

семенные головки, на которых как горькие слезы повисли желтоватые капли опиума.

Пашни и плантации мака, достигающего вышиной груди человека, сплошной полосой тянулись и в долине реки Кран, на которой стоял буддийский монастырь Шара-Сумэ.

На тридцатый день караван остановился, не доезжая десяти километров до монастыря, и, после обеда на привале, Потанин в сопровождении переводчика Кудебая, отправился в Шара-Сумэ, чтобы просить у Цаган-гэгэна (настоятеля монастыря) проводника через Монгольский Алтай.

Еще до начала путешествия, знакомясь с литературой о Монголии, Потанин читал о Цаган-гэгэне, известном своими набегами на байджигитов,—киргизов, кочевавших в Тарбагатае.

Этот жрец-воин был тибетец. Калмыцкие племена пригласили его к себе управлять богатым и многолюдным монастырем. Однако вскоре во время восстания против китайцев мусульманского народа — дунган — этот монастырь был разрушен мятежниками, и Цаган-гэгэн остался без резиденции. Тогда он собрал пятьсот головорезов и, встав во главе их, в 1865 году напал на Чугучак и очистил его от мятежников. Через два года Цаган-гэгэн совершил набег на тарбагатайских байджигитов. Во время этого набега он поссорился с русскими пограничными властями, так как преследуемые им байджигиты частично были русского подданства.

Потеряв свой монастырь в Тарбагатайском округе, Цаган-гэгэн избрал новую резиденцию на южном склоне Алтая в монастыре Шара-Сумэ.

Перевалив через гряду холмов, Потанин увидел буддийский монастырь с четырьмя кумирнями.

Обширная площадь его была окружена несколькими десятками глиняных домов. В центре ее возвышался большой четырехугольный замок с окнами, напоминающими бойницы крепости. В южной стороне замка виднелись ворота с крышей китайской архитектуры.

Но Потанина в этот день не пустили в монастырь. Двое китайских офицеров задержали его на краю селения и предложили вернуться в стан каравана, так как был вечер, а вечерами гэгэн не принимал даже докладов. Китайские офицеры просили Потанина приехать

завтра и обещали устроить ему встречу с настоятелем монастыря и обеспечить проводником.

На другой день в час дня Потанин снова поехал в Шара-Сумэ. С ним были Рафаилов, Позднеев и казак Михаленков.

Китайское селение, расположенное невдалеке от монастыря, было пустынно. На узких улицах путники не встретили ни одного человека, не было и вчерашних офицеров. Потанина поразило такое необычайное безлюдие поселка, — он казался вымершим. Было ясно, что в ожидании русских путешественников китайцы спрятались, и это не предвещало ничего доброго. Однако Потанин все же решил поехать к замку Цаган-гэгэна и настоять на встрече с ним. Миновав селение, путники направились к мосту, перекинутому через ров, окружающий замок. Но не успели они ступить на шаткий настил моста, как выбежавшая из замка небольшая толпа монастырских жителей преградила им дорогу.

Люди Цаган-гэгэна требовали, чтобы путники немедленно уехали назад, не желали вступать в беседу и даже отказались указать дом, в котором жил китайский амбань. Пришлось подчиниться...

Но Потанин совершил оплошность. Вместо того, чтобы прямо проехать в китайское селение, где следовало купить продукты на дорогу, он предложил своим спутникам познакомиться с архитектурой буддийского храма. Предложение Потанина все охотно приняли и повернули лошадей к кумирням. Но как только путешественники остановились около одной из них, из монастыря высыпала толпа монахов. С криками и бранью они окружили всадников и стали забрасывать их комьями глины.

Всадники хотели было ускакать в горы, но это им не удалось. Позднеева и казака Михаленкова стащили с лошадей и поволокли, избивая, к ближайшей келье. Потанин с Рафаиловым сумели выбраться из толпы, но на крутом скалистом подъеме в гору и они были все же настигнуты.

Обезоруженными пленники были приведены обратно в монастырь и посажены в келью, в которой, как в камере заключения, уже находились Позднеев с Михаленковым.

События принимали очень плохой оборот. Потанин понял, что Цаган-гэгэн не забыл ссоры с русскими из-

за мятежных байджитов и теперь станет мстить, а до ближайшей русской пограничной заставы было далеко.

Вечером к арестованным пришел лама. Он принес им в пищу заколотого барана и предупредил, что завтра пленников будут судить за оскорбление святыни.

Это неприятное событие взволновало Потанина. На самом пороге пути в глубь неведомой Монголии он попал под арест в глухом алтайском монастыре.

Мысли были не веселые, и Григорий Николаевич невольно вспоминал свой первый арест в России, суд, тюрьму и ссылку, которые на долгие годы оторвали его от путешествий, от любимой исследовательской работы.

2

Григорий Николаевич Потанин родился 22 сентября 1835 года в поселке Ямышевском на Иртыше. Отец его был хорунжий Сибирского казачьего войска, попавший под суд и разжалованный в рядовые за служебное столкновение с начальством. Мать Григория Николаевича умерла в то время, когда отец его находился в тюрьме и семья разорилась.

Детство свое, до поступления в Омский кадетский корпус, Потанин провел в Пресновске и воспитывался в семье Эллизена — командира бригады, стоявшей в городе. Полковник Эллизен хорошо относился к разжалованному хорунжему Потанину. Он устроил его на работу по надзору за постройкой новой церкви и помог воспитать сына.

В 1852 году, окончив Омский кадетский корпус и произведенный в офицеры, семнадцатилетний Потанин не оставил своих начатых в корпусе занятий. Он был назначен в казачий полк в Семипалатинск. Весь свой досуг и служебные командировки в Копал, в Заилийский край и в китайский город Кульджу Потанин использовал для сбора этнографических материалов. В то же время он увлекался ботаникой и собирал гербарий.

На свое скудное жалование, которое составляло только 72 рубля в год, Потанин выписывал «Записки» Географического общества и покупал необходимые для составления гербария книги и справочники.

Судьба Григория Николаевича резко изменилась после встречи с великим русским географом Петром

Петровичем Семеновым, который, возвращаясь из своей замечательной экспедиции в Тянь-шань, был проездом в Омске.

В это время Потанин также находился в Омске, куда был отозван из полка для службы в контрольном отделении казачьего войскового правления.

Семенов услыхал о Потанине от Чокана Чингисовича Валиханова, с которым встречался в доме Гутковского — заведующего киргизским отделом Западно-Сибирского губернаторства.

Петр Петрович заинтересовался молодым казачьим офицером, собирающим гербарий и затрачивающим свое скудное жалованье на покупку научных книг. Он разыскал Потанина, осмотрел собранный им гербарий и удивился его обширности. В свою очередь он поразил офицера-любителя тем, с какой легкостью дал каждому растению не только русское, но и латинское название; попутно он прочитал ему целую лекцию по систематике растений. Видя исключительные способности Потанина к исследовательской работе и его любовь к ботанике, Семенов посоветовал ему во что бы то ни стало отправиться для получения высшего образования в Петербург и обещал в этом свою помощь.

Встреча с известным столичным ученым произвела на Потанина глубокое впечатление и открыла перед ним новые горизонты. Всеми силами стал стремиться Григорий Николаевич в Петербург, чтобы поступить в университет.

После долгих хлопот ему наконец разрешили выйти в отставку под предлогом болезни. Теперь можно было проделать далекий путь в Петербург. Для этого у Потанина не было денег. Наконец, ему удалось устроиться бесплатно при караване золота, отправляющемся в далекую столицу.

Это был первый «караванный путь», который проделал Потанин от города Барнаула, где находилась единственная на всю Сибирь золотоплавня, до далекого Петербурга.

В Петербурге Григорий Николаевич поступил в университет, но закончить образование ему так и не удалось. В 1862 году, когда Потанин перешел уже на третий курс, университет был закрыт в связи со студенческими волнениями.

Пришлось прервать учение и по рекомендации Петра Петровича Семенова поступить в экспедицию Струве, направляющуюся для астрономического определения географических координат различных пограничных пунктов в долине Черного Иртыша, на озеро Зайсан-нор и в Тарбагатайские горы.

Струве вел астрономические наблюдения и маршрутную съемку, Потанин собирал гербарий и записывал киргизские народные легенды, пословицы и песни.

Это первое научное путешествие было для Потанина как бы подготовкой к тем большим самостоятельным экспедициям, которые впоследствии прославили его имя. Конечно, никакие лекции в университете не могли дать ему такой практической географической подготовки, как эта продолжавшаяся два сезона работа в экспедиции.

Вернувшись из экспедиции, Григорий Николаевич не надолго задержался в Омске. Он решил переехать в Томск, в наиболее культурный город тогдашней Сибири. Томск лежал на главном Сибирском тракте. Через него шли обозы с товарами, отправляемыми на восток, и чайные обозы из Китая на запад.

Здесь, в отличие от большинства сибирских городов, были гражданские учебные заведения и даже издавалась газета.

Первое время, после приезда в Томск, Потанин служил в губернском совете, но вскоре занял место преподавателя естественной истории в гимназии.

Будучи сам сибиряком и наблюдая жизнь различных классов сибирского населения, Потанин не мог не задуматься над причинами, препятствующими экономическому и культурному росту Сибири. Причины эти крылись в колониальной хищнической политике царизма, в результате которой огромная богатейшая область оставалась глухой окраиной империи — местом каторги и ссылки. Такой Сибирь была вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, превратившей ее из отсталой, захолустной окраины в край передовой социалистической культуры, мощной промышленности и высокоразвитого сельского хозяйства.

Потанин, живший в Сибири 1860-х годов, видел зло, искренне хотел бороться с ним, однако, не имея достаточного политического кругозора, вместо того чтобы стремиться приобщить Сибирь к общероссийскому

революционно-демократическому движению и совместно с передовыми, прогрессивными силами центральных областей России бороться за свержение царского самовластия, он увлёкся ложной и по существу реакционной идеей «автономной Сибири» и принял деятельное участие в томском кружке молодёжи так называемых «сибирских патриотов».

Встревоженные развивающимся революционным движением шестидесятых годов, жандармы в стремлении кружка «сибирских патриотов» к насаждению просвещения и поднятию культуры в Сибири усмотрели «опасные мысли». Ведь некоторые члены кружка «сибирских патриотов» не отказывались даже от клички «сепаратистов».

Жандармы приняли меры. Потанин был арестован, отправлен в омскую тюрьму и после полугодового следствия приговорен к пяти годам каторги. Три года он пробыл в омской тюрьме в ожидании судебного приговора из Московского отделения сената и потом для отбывания наказания переведен в крепость Свеаборг, при которой находилась арестантская рота с каторжным отделением.

Научная работа Потанина была прервана на целых восемь лет.

3

Часы заключения в келье монастыря Шара-Сумэ тянулись мучительно медленно.

Только к вечеру следующего дня пленников вызвали в ямынь. Китайский чиновник прочитал заранее составленный обвинительный акт. Потанину и его спутникам вменялось в вину оскорбление святыни монастыря, к которой они подъехали верхами на лошадях с оружием, а также драка, которую они якобы затеяли с монахами.

Чиновник с вниманием выслушал объяснения Потанина и, как бы желая итти на примирение, предложил продолжать дальнейшее путешествие в Кобдо, но только пикетной дорогой по долине Урунгу и в случае согласия обещал возвращение оружия и даже покровительство гэгэна.

— Иначе, — сказал он, — ваше оружие будет оставлено в монастыре, а вы получите обратно только своих лошадей.

Путь по пикетной дороге не входил в планы путешественников, имевших целью изучать южный Алтай, и они решили лучше пожертвовать оружием, чем менять заранее обдуманный и интересный в географическом отношении маршрут.

Чиновник не настаивал и, оставив у себя оружие путешественников, отпустил их.

Довольные тем, что вся эта история с оскорблением святынь обошлась только потерей оружия, Потанин со своими спутниками вернулся в караван и решил самостоятельно отыскать нужного проводника среди киргизов, кочующих в южном Алтае.

Цаган-гэгэн оказался не столь могущественным, как о нем думал Григорий Николаевич: проводника удалось достать и без него. В этом экспедиции помог один из влиятельных людей в крае киргиз Джуртнай. По просьбе Потанина он немедленно прислал проводника и даже сам приехал в караван, чтобы познакомиться с путешественниками.

Посоветовавшись с местными каргизами, Григорий Николаевич выбрал маршрут рекой Кандагатай до ее верховий, затем на теплый ключ Калаун Арчан и на реку Саксай.

Путь каравана шел вверх по реке, окаймленной высокими скалистыми горами, и углублялся в узкое ущелье, поросшее смешанным лесом. К вершине ущелье становилось все круче. Огромные гнейсовые валуны с обеих сторон сжимали дорогу. Верблюды едва протискивались между камней, цепляясь за них вьюками.

Вскоре река Кандагатай превратилась в небольшой ключ. Заболоченная долина ее лежала, словно на дне чаши, окруженная горами.

Альпийская растительность уже повяла, и цветов не было. Большие шары высоких зонтичных растений осыпались от легкого прикосновения.

Граница лесов осталась позади. Километрах в пятнадцати в стороне от дороги лежали сверкающие полосы вечного снега.

Далеко внизу у подножья Салбурты и Саура, соединенных высокой седловиной, блестело озеро Улюнгур и чернели темносинние леса Черного Иртыша. Караван повернул на восток и очутился в водоразделе между бассейном реки Кран и вершиной Черного Иртыша.

Путешественники увидали обширную горную страну с Азыкпаем, вздыбившим свой черный хребет над горизонтом.

Горы серого гнейса и турмалинового гранита, покрытые коврами альпийских лугов, имели закругленные вершины и гладкие скаты. На выветренных россыпях горных пород между камнями шныряли многочисленные сеноставки и около выходов из их каменных жилищ, защищенные от дождя плоскими сланцевыми выступами, стояли заготовленные зверьками на зиму крохотные стога душистого сена.

Перевал через Алтай у вершины реки Кран поднимался впереди высокой зубчатой стеной. Подъем был крут, и высшая точка его достигала 2 700 метров.

Сентябрьские дни становились короче. Ночами выпадал снег, и горы оделись зимним покровом. Все меньше попадалось растений, нужных для гербария, и Потанин использовал свободные вечера и дни привалов для сбора фольклора кочевых народов.

При свете костров, под мохнатыми лапами елей или у холодных стен скал он выслушивал и записывал легенды, сказки и сказания, которые рассказывали ему приезжающие киргизские гости или проводники-монголы. Здесь он услышал и о медведе, который прежде был человеком, но, испугав лошадь ехавшего бога, превратился в зверя, и о лисице, заставившей тигра съесть свои собственные глаза, и о хитрой Хоттун-птице (пеликан), вразумившей слабодушного хана Гариди, который по совету своей жены хотел воздвигнуть башню из птичьих носов.

Песни служили Потанину страницами неписанной истории народов, в легендах раскрывалась философия кочевников, в сказках — быт.

Григорий Николаевич сравнивал сказания отдельных племен, проводил параллели между древними и более новыми и по ним восстанавливал историю развития народов степей и гор Средней Азии.

Покинув стоянку на озере Доин-Гуль и получив проводника у киргизского султана Самеркана, экспедиция миновала древние могилы, украшенные каменными бабами, которые так часто встречаются и в степях южной России (монголы звали их «кишачило»); некоторые из них представляли собой изображение лошади. Выйдя

на холмистую террасу, усеянную гранитными валунами древних ледников, экспедиция направилась к городу Кобдо.

В Кобдо Потанин предполагал провести зиму с тем, чтобы подвести итоги пройденного пути и с первыми теплыми днями продолжить путешествие в глубь Монголии.

Путь шел по безводной местности, изрезанной скалистыми грядами и каменными логами. Он вывел караван в большую котловину с плоским дном — как определил Потанин, дном высохшего озера. Кое-где это дно было заболочено или покрыто кочковатыми солончаками. С разных сторон в котловину вдавались каменистые «мысы», у подножья которых образовались большие осыпи. Здесь попадались зимовки тувинцев («урянхайцев»), держащих свои бедные стада овец поближе к заболоченным местам дна котловины: в стороне от нее никакой растительности не было.

По мере приближения к Кобдо природа края становилась иной. Появились стада азиатских антилоп-дзеренов, отличающихся исключительной быстротой бега, пугливостью и красотой. Около бедных юрт монголов паслись небольшие стада горбатых яков. Защищенные от морозов длинной шерстью, крепконогие и выносливые яки заменяли монгольскому кочевнику и молочный скот и вьючных животных, приспособленных к высокогорным переходам. Встречались здесь и гибриды, полученные скрещением яка с коровой.

Дорога каравана привела в искривленную долину реки Хату-Улясутай, берущую начало свое из снегов Теректинского белка.

Гигантской, опрокинутой вверх килем лодкой впереди возвышался рябой от снежных пятен хребет Дхон-Хаирхан.

Гранитные осыпи затрудняли движение каравана. По сторонам дороги стояли отвесные стены каменных скал. Огромный ледяной язык свешивался с белка в вершину ущелья, из которого вырывалась быстрая Хату-Улясутай, прокладывая себе дорогу среди крупных валунов и каменных обломков. Заваленная гранитными глыбами дорога робко жалась между шумной рекой и обрывом.

Совершая экскурсии в стороны от путей каравана, Потанин тщательно описывал своеобразное строение

здешних гор, брал образцы горных пород — розового гранита, темносерого порфирита, черного базальта, замерял углы падения пород, отмечал строение ледников. В сущности это была первая — правда, еще полулюбительская — геологическая и геоморфологическая съемка северо-западной Монголии.

4

По вершинам гор гулял снежный буран, и, словно напуганные им, на темных скалах встревоженно кричали рябчики.

Ночью разразилась буря. Она с грохотом пронеслась по ущелью, ударила в его каменные стены и, вырвавшись, бросилась в долину.

Внезапные порывы ветра ломали стрелы, поддерживающие верхний круг юрты путешественников, и срывали войлок с ее деревянного остова.

Ночь прошла в борьбе с бурей. Силясь удержать юрту, путешественники снаружи обхватили ее арканом и на войлочные полы положили камни. Но это мало помогало. Под напором ветра камни скатывались со вздутого как парус войлока, и их все время приходилось поправлять. К верхнему кругу юрты, чтобы прижать ее к земле, путешественники привязали ящик с тремя большими каменьями и с наветренной стороны повесили тяжелый вьюк. Но и это не помогало. Сила ветра была настолько велика, что он беспрерывно разрушал хитрое сооружение людей.

Утомленные, не сомкнувшие всю ночь глаз, путешественники утром, когда утихла буря, совершили последний переход до реки Буянту, на которой лежал город Кобдо.

Вскоре они увидели зубчатые выступы четырехугольной крепостной стены, возвышающиеся на бесплодной террасе, отделенной от равнины озера Хара-усу невысокими горами.

Внизу от главных ворот крепости протянулись две улицы торговой слободы. Одна из улиц была обсажена тополями, и в конце ее стояла маленькая крепость, охраняющая вход в город. Другая улица, состоящая сплошь из небольших лавок, была грязна, узка и поражала своей кривизной.

На главной улице, обсаженной тополями, было также много лавок, которые чередовались с подворьями крупных торговых компаний.

Серые однообразные китайские дома — фанзы — придавали городу унылый и непривлекательный вид, и единственным украшением его были кумирни — две в слободе и одна в крепости да ламаистский монастырь на противоположной стороне реки.

Несмотря на большое значение Кобдо, его население, состоящее лишь из чиновников, купцов и солдат, не достигало и тысячи человек.

В городе жили почти исключительно китайцы и несколько русских купцов. Монголы — хозяева страны, перебивающиеся мелкими городскими заработками, — обитали в юртах и хошунах, разбросанных за чертой города.

Потанин сделал визит китайскому амбаню, живущему в крепости, подыскал квартиры для участников экспедиции в фанзах местных жителей и стал устраиваться на зиму.

Он снял себе квартиру в фанзе старика-китайца Кы-хао-чи, одного из домовладельцев Кобдо.

Фанза была небольшая, с низким потолком, подшитым бязью, с окнами, заклеенными бумагой, заменяющей стекло, и отапливалась каном — лежанкой из глины, в которой для обогревания сжигался аргал — сухой помет скота, камыш и солома.

Удобств была мало. Однако это не смущало Потаниных и не портило у них рабочего настроения. Они с самого начала совместной жизни привыкли к всевозможным лишениям.

Григорий Николаевич женился в Никольске — захолустном городке Вологодской губернии, где он отбывал ссылку после освобождения из тюрьмы. В то время к его товарищу по ссылке студенту Лаврскому приехала из Нижегородской губернии сестра. Лаврский познакомил с нею Потанина. Это была Александра Викторовна. Молодые люди сдружились, и когда Александра Викторовна уехала обратно в Нижегородскую губернию, где она была воспитательницей в училище, между ними завязалась переписка, которая закончилась тем, что Лаврская согласилась стать женой Потанина.

Она вернулась в Никольск, и они повенчались. Жили

Потанины в крохотной кухонке, в которой едва помещались кровать и стол. И теперь фанза китайца Кы-хао-чи была мало чем хуже их первой квартиры в городе Никольске.

Впереди было много работы. Предстояло привести в порядок собранные коллекции, описать по коротким запискам дневника маршрут путешествия и, воспользовавшись вынужденной остановкой на зиму, изучить быт и экономику одного из главных торговых центров Монголии — города Кобдо.

Григорий Николаевич с увлечением принялся за работу. Для Потанина путешествие как бы не прекращалось, оно только принимало новые формы. Вдохновенный труд исследователя и радость творца науки, не оставляли его и в Кобдо. Для него в исследованиях новых земель не было мелочей. Все укладывалось в стройную систему, все было одинаково ценно и важно.

В Кобдо Потанин стал этнографом и экономистом.

Кобдо — город-гостиница и перевалочный склад товаров — с первого же дня поразил Потанина. Здесь не было постоянных жителей. Менялись купцы, менялись солдатские гарнизоны в крепости у аллеи тополей, менялись чиновники. Каждый китаец был временным жителем города, приехавшим только с надеждой разбогатеть и вернуться на родину почтенным купцом.

В городе не было детей и почти не было женщин. На тысячу китайцев, живших в нем, было только десять китаянок — жен чиновников.

В Кобдо прибывали караваны из Пекина с шелковой материей, фарфоровой посудой, с табаком и мелкими китайскими поделками; русские караваны с товарами ирбитской ярмарки: с сахаром, с дешевой мануфактурой, с котлами, ковшами, ведрами, ножами и другими металлическими изделиями; караваны из Кяхты с «толстым» (кирпичным) чаем и из Бийска с мараловым рогом, отправляемым в глубь Китая.

И, как из большого торгового склада, эти товары развозились приказчиками купцов по монгольским хошунам и кочевкам. Там товары выменивались на скот, шерсть, кожи. Расплата между купцами производилась на серебро, которое взвешивалось на весах.

Город жил коммерческими операциями, меной и ожиданием купеческих караванов. Солдаты охраняли его

и снабжали со своих огородов овощами — тыквами, луком и чесноком. Солдаты же были и основными актерами на театральных подмостках, неизбежных в каждом китайском городе, и брались за все роли, от страшных драконов до прелестных принцесс, которые на сцене иногда появлялись с длинными отросшими усами.

Потанин работал над систематизацией коллекций, изучал пути торговых караванов и потребности в товарах кочевых монгольских племен и наблюдал жизнь китайского города.

Александра Викторовна, используя, особенности положения женщины-путешественницы, имеющей возможность встречаться с женами чиновников, знакомилась с семейным укладом китайцев.

Она приняла на себя все заботы по хозяйству и обеспечивала непрактичному в житейских делах Потанину условия работы в Кобдо над рукописями будущих отчетов. Она помогала ему в изготовлении шлифов горных пород. Изготовлению этих шлифов, необходимых для петрографического анализа собранных образцов, Потанины обучались у профессора Иностранцева в Петербурге. После того как Географическое общество стараниями П. П. Семенова, не забывшего своего протеже, выхлопотало амнистию находившемуся в опале «сибирскому сепаратисту», Потанин с женой имели возможность пробыть некоторое время в Петербурге и использовали это время на тщательную подготовку к экспедиции.

5

Короткая зима в Кобдо незаметно проходила в усердных трудах по обработке добытых материалов и в собирании новых сведений о торговле северо-западной Монголии.

Развлечением путешественникам служили шумные церемонии китайских праздников, приуроченных к зимнему времени; Потанин, в котором уживались две «души» — натуралиста и страстного этнографа, конечно, не упускал случая составить подробные описания их.

Первым был праздник, посвященный божеству, которое китайцы называли Чон-гуэ, а монголы Эрли-ханом. Это было божество загробной жизни.

Торжественная процессия на красных носилках несла идола этого бога смерти и загробной жизни, восседающего в кресле. Лицо идола была изваяно молодым и красивым, обрамляющая его черная борода из настоящих волос спускалась на грудь. Пунцовый халат с крупными узорами еще сильнее оттенял черноту бороды. Головной убор из темного крепа украшали серебряные пластинки.

Под шум толпы и звуки оркестра процессия двигалась по улице Кобдо. Впереди бежали подростки с пестрыми знаменами, за ними шла группа богомольцев, «умерщвляющих плоть». На шеях этих людей были надеты деревянные колодки, заменяющие европейские вериги или цепи преступников. Двое китайцев в зеленых маскарадных костюмах вели пару лошадей под атласными седлами, а за ними, оглашая воздух музыкой, лишенной какой-либо мелодии, следовали скрипачи, флейтисты и барабанщики.

Процессия остановилась около южной кумирни Хыжянь-э. Идола сняли с носилок и на кресле перенесли в главную нишу кумирни.

Человек с золотым лицом, бронза с которого осыпалась на фантастический костюм, сказал что-то по-китайски притихшей толпе.

Потанин осмотрел собравшихся около кумирни многочисленных богомольцев.

Здесь были и старые китайцы, одетые в теплые курмы и меховые шапки с плотно прижатыми ко лбу и вискам отворотами, подобными европейским наушникам, и молодые китайцы — приказчики из богатых фирм, с косами, удлиненными до пят шелковыми шнурами; были и истощенные курильщики опиума, оборванные, с зеленоватыми лицами трупов, и кашгарские узбеки в пестрых шубах и расшитых тюбетейках. Были монголы в наольных шубах, пропахших дымом аргала, в «малахаях» с коническими тульями и полями, отогнутыми книзу, из-под которых выглядывали маленькие косички, отрощенные на бритых головах. Были наложницы богатеющих купцов — франтоватые монголки с замысловатыми, похожими на бараньи рога, прическами, в шапочках, приклеенных к волосам шубным клеем, в ярких халатах, выложенных по подолу широкими цветными лентами и разукрашенными на груди металлическими пластинками

с изображением бурханов в золоченых рамках, подвешенных на серебряных цепях и поразительно напоминающих маленькие церковные киоты.

Кривой палач с головой, покрытой чиновничьей шапкой с шариком в знак важности своей государственной роли, произнес речь — ведь его деятельность имела прямое отношение к божеству! — и началась церемония поклонения Чон-гуэ.

Вслед за чиновниками к жертвенному столу, стоящему перед идолом, подходили богомольцы. Они падали на колени и, коснувшись лба руками, сложенными внутрь ладонями, кланялись до земли.

На жертвенном столе лежал освежеванный баран с головой, покрытой сальной плевой из внутренностей, и кругом него были уложены «бо-бо» — лепешки и сладкие пирожки.

Перед бурханом горели и курились свечи. Богомольцы сжигали душистую бумагу, и какой-то старик, «взывая к богу», ударял время от времени в медную чашу.

Вечером, под звуки музыки, Чон-гуэ был снова перенесен в старую кумирню со стенами, разукрашенными картинами всевозможных казней, которыми он управлял.

Улицы были освещены разноцветными фонариками. Трещали огненные ракеты, в толпе, сопровождающей Чон-гуэ, слышался смех и возгласы.

В окнах лавок и в воротах зажиточных домов видны были столики с яркими фонарями, курительными палочками и горящими свечами.

Около богатых домов при приближении процессии вспыхивали заряды «бу», раздавались взрывы и треск ракет. Хозяева домов, провожая бога Чон-гуэ, творили земные поклоны.

Утомленные шумным празднеством города, Потанины с полпути процессии повернули домой. Но и в фанзу до поздней ночи доносилась раздражающая ухо европейца музыка с осиным писком скрипок и сухим надоедливым треском барабанов, напоминающим стук колотушек сибирских ночных сторожей. Это в крепости происходил парадный обед у амбаня.

Отпраздновав еще Цаган-Сар (белый месяц, с первыми теплыми днями, 20 марта, экспедиция покинула Кобдо.

На скалах, щебне и галыке лежал темный загар пустыни — тонкая блестящая корочка вроде лака; она скрывала естественный цвет горных пород. Равнина тяжело дышала сухим горячим дыханием. Верблюды лениво ступали по теплым камням, и лошади поминутно останавливались, дрожа как при малярийном ознобе.

Путникам казалось, что они стоят на месте, а только чуть приметно колышется и плывет гигантский серо-черный круг, в центре которого бьются они в борьбе с Джунгарской Гоби.

Круг плыл к югу, туда, где словно в туманном мираже поднимались белые вершины Тянь-шаня.

Лошади, изнемогая от жестокой жажды и голода, с жадностью пожирали помет животных, попадающийся на пути. С каждым шагом они все больше обессиливали, и четырех из них путникам пришлось оставить на голодную смерть в пустыне.

Желтая прямая полоса караванной дороги разделяла круг, в котором двигались путешественники, на две равные половины, поражающие своим унылым однообразием. Только белые кости, а иногда и целые скелеты животных, погибших в пустыне, попадались на тропе.

Эта однообразная, чуть наклонная равнина представляла собой как бы пьедестал Монгольского Алтая. Потанин впервые описал рельеф этих пьедесталов, характерных для предгорий Монголии. Монголы называют их бэлями. Они сглажены дождями и весенним таянием снегов в горах (ведь даже здесь, в этой безводной пустыне, «капля точит камень», ей только для этого нужно больше веков) и выровнены отложениями, принесенными водой с гор, — продуктами их разрушения.

Безмолвие и смерть царили кругом, но утомленным путникам чудились неясный говор и голоса, доносящиеся со всех сторон. Это — по объяснению монгольских проводников — «бестелесные духи пустыни» вели свои нескончаемые беседы.

Уже больше месяца прошло с тех пор, как экспедиция Потанина оставила Кобдо и направилась на юго-восток по широкой долине Дзерге, в предгорьях Монгольского Алтая. Здесь ширина бэля превышала 20 километров. Изредка отдыхая в маленьких бедных оазисах,

караван перевалил Монгольский Алтай, миновал озера Цицик-нор и Хулму-нор, перерезал горную цепь Алтаин-нуру и вышел в долину Баркуль. Такой унылой и однообразной природы, как на этом пути, путешественники еще никогда не видали. В течение долгих дней пути они были единственными живыми существами в пустыне, и только один раз над ними с юга на север протянул косяк журавлей, но тотчас же скрылся в знойном мареве синего неба.

Наконец, экспедиция достигла города Баркуль у озера того же имени, близ подножий Тянь-шаня.

Вокруг него било несколько ключей, которые оживляли этот глухой угол унылой пустыни, и полупересохшая речка Эрдахэдза, остатки воды которой были почти сплошь разобраны арыками на орошение.

Восточная маньчжурская — или военная, и западная китайская — или торговая, части города были обнесены глиняными стенами. В центре поселения, над воротами, ведущими в его южную часть, возвышалась башня. Восточная улица представляла сплошной ряд магазинов, и здесь же шла бойкая торговля со столиков и лотков. На площади между зданиями лежали верблюды и группами сидели монголы-погонщики.

Баркуль оказался самым большим городом из всех встреченных во время путешествия городов. Следы древнего богатства лежали на его башнях и воротах, украшенных изваяниями чудовищ или лепными работами восточных мастеров.

Город поражал бойкостью торговли, обилием товаров и грязью. В нем не росло ни одного дерева, и улицы были завалены мусором, а у городских ворот стояли непросыхающие лужи. Ни одной фанзы не мог подобрать Потанин для экспедиции, — все они были настолько грязны, что не годились для жилья. Пришлось располагаться лагерем.

За стенами города тянулись любовно обработанные китайские огороды, и были разбросаны фанзы, окруженные садами.

В Баркуле путешественники провели три дня и, осмотрев город, отправились дальше на юго-восток через горный проход в Тянь-шане к городу Хами. Погода стояла сухая и ветреная. На западе над желтой равниной поднимались столбы солончаковой взвихренной пыли.

Караван двигался параллельно хребту по северной его бэли в местности, подвергшейся опустошению во время восстания против китайцев тюркских племен, руководимых Якуб-беком из Андижана.

Дорога шла мимо развалин отдельных фанз и целых деревень с остатками расписных стен храмов.

По пути встречались редкие пешеходы с длинными коромыслами на плечах, верховые и телеги, запряженные мулами.

Вправо от дороги возвышался снежный хребет Тянь-шаня, влево по плоскому дну долины тянулись пашни. В желтых зарослях дериса чернели фигуры рабочих быков и лошадей.

У подошвы Тянь-шаня дорога пересекла несколько бурных потоков. В его ущельях путешественники снова увидели лес. Темная ель смешивалась здесь с цветущей лиственицей, по-весеннему кричали птицы, но в ямах и оврагах еще лежал снег.

Ущелье, по которому шел путь, становилось все круче; дно его, размытое горными потоками, было завалено упавшими стволами старых деревьев. Но дорога до самой вершины перевала была расчищена, и ее сопровождали деревянные перила. На снегу видны были следы колес, что говорило о большом движении через перевал даже зимой.

Пройдя Тянь-шань горным переходом Кошеты-дабан и взяв проводника-солдата из пикета Нань-шань-коу, расположенного у выхода из ущелья в равнину, Потанин направил караван к Хами — самому восточному городу Китайского Туркестана, известного своей богатой торговлей. Это был конечный пункт экспедиции.

Караван двигался ночью, и на заре, миновав безводную степь, путешественники увидели Хами.

Город лежал среди глинисто-песчаной пустыни. Каждая из его четырех самостоятельных частей была обнесена глиняной стеной.

Три части города населяли китайцы, одну — тюрки. Их город, в отличие от китайских голых городов, утопал в зелени деревьев. Из-за стен поднимались вершины вязов, ив, пирамидальных тополей. Издали город казался садом, но внутри стен царил хаос, словно Хами пережил небывало разрушительное землетрясение. В развалинах, загромождая улицы, лежали его дома и

строения, и только в немногих уцелевших фанзах ютились жители. В последние десять лет Хами был ареной кровопролитных боев китайцев с восставшими тюрками. Он пережил набеги пришедшего со стороны Урумци Даян-чая и предводителя инсургентов Бэян-ху. Опасаясь новых погромов, жители не торопились восстанавливать город. Даже мечети и дворец подчиненного китайскому губернатору хамийского хана стояли полуразрушенными.

Пробыв в Хами десять дней и познакомившись с его торговлей, экспедиция отправилась в обратный путь в Монголию и, проделав семнадцать переходов, во время которых Потанин смог сделать очень важные обобщения о распределении лесов на южном и северном склонах Тянь-шаня и Монгольского Китая, подошла к лежащему на берегу реки Дзагистая большому городу, окруженному со всех сторон горами. Это был Улясутай.

7

Улясутай, что в переводе значит «тополевый» — мало чем напоминал Кобдо. Он был центром розничной торговли и привлекал много кочевников.

Его построенная в беспорядке торговая часть с китайскими магазинами и лавками с утра до вечера была полна покупателями-монголами, приехавшими из окрестностей. Лавки эти имели богатый выбор товаров, рассчитанный на вкус местной монгольской знати, которая предпочитала приезжать сюда, а не в Кобдо.

Около магазинов и мастерских толпился народ, и по улицам разъезжали верховые монголы.

Строения в Улясутае были деревянные, обнесенные высокими частоколами, но улицы грязные и еще более неопрятные, чем в Кобдо, может быть потому, что приезжие покупатели не особенно стремились поддерживать их чистоту.

Улясутай был меньше Кобдо, но казался оживленнее и веселее. Здесь можно было встретить и скотовода-кочевника, и хлебопашца из долины Тополевой реки, с пашен, засеянных ячменем и пшеницей, и охотника, привезшего на базар горных рябчиков или дроф, и какого-нибудь монгольского князя, приехавшего за

покупками или по делам к «монгол-дзурганы» — местному китайскому чиновнику, ведающему монгольской администрацией.

Во время пребывания в Улясутае Потанин совершил поездку на знаменитые целебные серные ключи у подножия Отхон-тенгри, самой большой вершины Хангая, вечно покрытой снегом.

Ключи били из трещин гранита на дне долины между берегом восточного отрога Аршани-гола и северной подошвой Бога-очирвани. Здесь были и питьевые ключи для целебных ванн с горячей водой. Потанин измерил ее температуру и нашел, что она превышает 40° — это было крайнее деление термометра, который был у него с собой.

Деревянные ящики, врытые в землю, служили ваннами для больных, приезжающих со всех концов Монголии в расчете получить исцеление от всевозможных недугов. На этом монгольском курорте лечились и ревматики, и слепые, и женщины, страдающие бесплодием, и даже люди, имеющие природные физические недостатки. Врач лама всех лечил одинаковым методом.

Больные жили в легких юртах и после горячей ванны, иногда продолжающейся три часа, мерзли на тонких войлоках, не имея более теплого помещения даже в снежные бураны, случающиеся на этой высоте и в июле месяце.

Достоинство ключей было отмечено большими «обо» — грудами жертвенных камней, и около самого горячего ключа такая груда достигала четырехметровой высоты. Здесь же, в нишах «обо», стояли деревянные мечи с надписями по лезвию, и сверху висели шнуры с привязанными к ним бараньими лопатками, на которых старательно были выведены слова «ом мани» — начало одной из самых древних и самых важных молитв монгольских буддистов.

Оставив Улясутай, экспедиция отправилась к озеру Косоголу с тем, чтобы повернуть от него на русскую скотопрогонную дорогу и вернуться в Бийск.

Переход до Косогола Потанин и его спутники совершили за тридцать восемь дней, с 5 августа по 12 сентября. Во время этого длинного пути им пришлось три раза пересечь цепи Хангая и долины рек: Хойту-терх, Этер и Тэльгир-мории, притоков Селенги.

Наступала осень. Ночами выпадал иней. Мелкие ручьи покрывались льдом.

Кочевники готовились к зиме. В местностях, не пригодных для хлебопашества, встречались охотники за съедобными корнями, заготовленными на зиму в норах полевых мышей. Монголы отыскивали норы грызунов и ударом палки о землю по слуху определяли место подземных складов. Каждая нора со складом давала до трех шапок этого съедобного корня, заменяющего зимой кочевнику хлеб.

Косогол поразил путешественников своей величиной. Это было самое крупное озеро в Монголии; с севера на юг оно простиралось на сто тридцать километров и было многоводно, так как питалось многочисленными реками, стекающими с окружающих его гор. В центре скалой поднимался живописный остров Далайкуй, и на нем стоял буддийский монастырь.

В середине сентября экспедиция повернула от острова Косогол на запад и, проделав пятнадцатидневный путь по северному Хангаю, достигла озера Убса с горько-соленой водой и солончаковыми берегами, поросшими камышом.

Здесь опять встречались зимовки тувинцев («урянхайцев») — народа, с которым экспедиция уже встречалась на пути в Кобдо.

Обогнув озеро Убса по южному берегу, караван миновал песчано-бугристую местность и вышел в ровную степь, которая была сначала усеяна только кустами ухыр-караганы, но скоро перешла в широкие пашни.

2 ноября с вершины невысоких гор Гадзырен-удзюр путешественники увидели равнину со стоящим на ней монастырем Улангомом. Это был конечный пункт экспедиции Потанина.

Григорий Николаевич с Березовским поехали в Кобдо за оставленными там коллекциями, а другие члены экспедиции прошли прямо на русский Алтай в Кошагач, чтобы оттуда проехать в Бийск.

8

1 апреля 1884 года корвет «Скобелев» прибыл в Чи-фу. На острове Ява в Батавии он принял на свой борт с военного фрегата «Минин», пришедшего из

Кронштадта, группу русских путешественников. Это был Потанин с женой, геодезист Скасси и зоолог Березовский, спутники Григория Николаевича еще в первом путешествии по Монголии, с окончания которой прошло уже восемь лет.

За эти годы Потанин с женой еще раз успели побывать в Монголии. В 1879 году он вторично отправился в эту страну, чтобы завершить изучение ее западной части; в частности, он хотел пополнить свои гербарии, так как во время своего первого путешествия в некоторых местностях он был лишь поздней осенью, когда растения уже увяли, или зимой, когда земля была под снежным покровом. Кроме того, ему хотелось установить также связь между бывшими озерами Монголии — сделать это тоже можно было только летом.

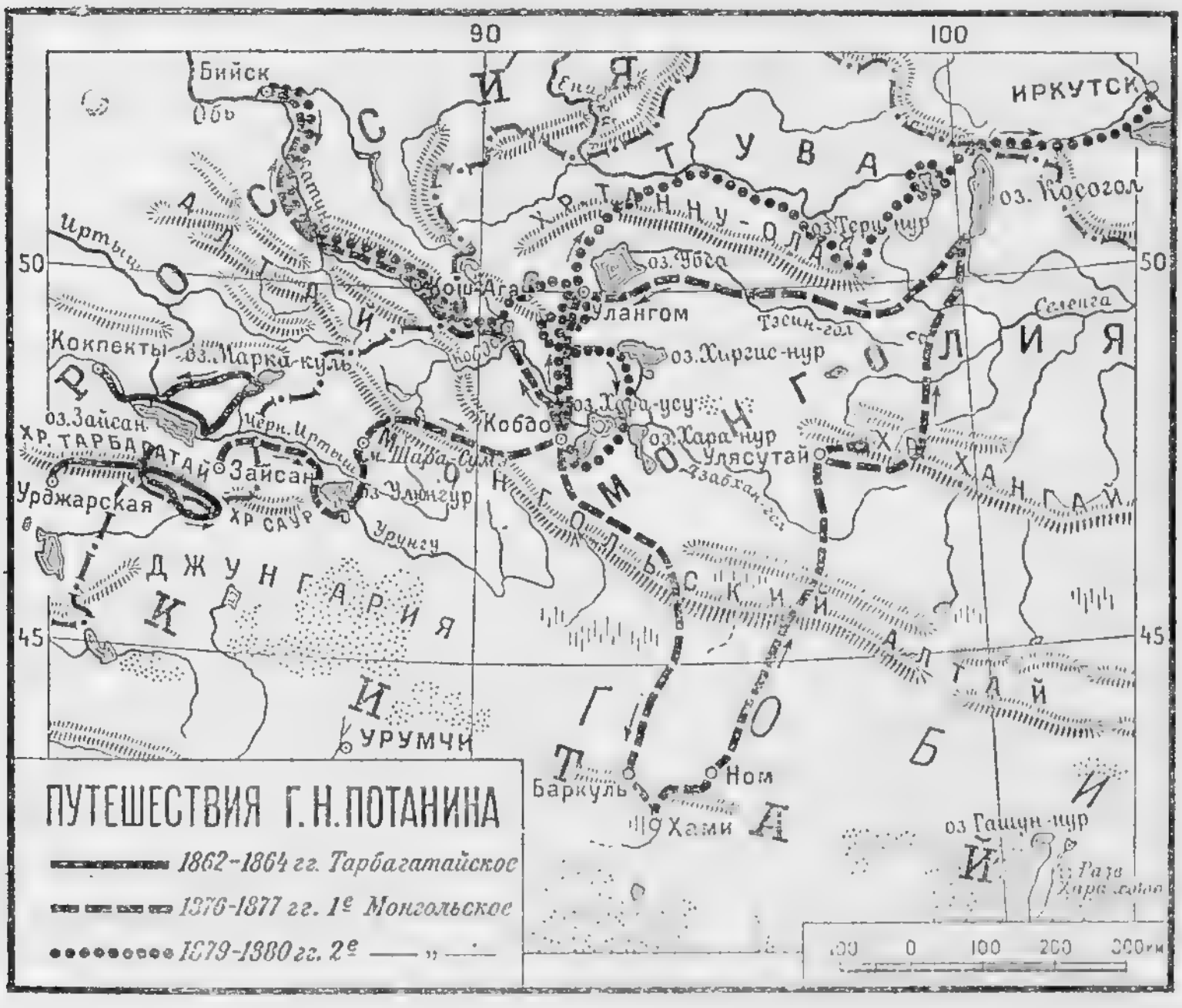
Экспедиция Потанина вновь совершила путь от Улангома до Кобдо. Путешественники собрали гербарий, познакомились с западномонгольским племенем дюрбетов, которые вместо гэгэнов — перерожденцев Будды, чтили богодевиц «дарихэ», исследовали страну урянхайцев и в 1880 году возвратились в Россию. Цикл монгольских экспедиций был закончен.

Путешествия по Монголии принесли Потанину большую известность в ученом мире. Его отчеты о проведенных экспедициях, написанные в Петербурге и изданные Географическим обществом, составили четыре объемистых тома и обилием научного материала привлекли всеобщее внимание. Впервые в них было дано подробное описание северо-западной Монголии, ее природы, населения, экономики. К отчетам были приложены таблицы высот и географических координат ряда пунктов, что давало возможность исправить старые карты, изобилующие ошибками и белыми пятнами. В дополнение к отчетам были привезены из путешествий ценнейшие коллекции растений (как натуралист, Потанин больше всего увлекался ботаникой), млекопитающих, птиц, рыб, пресмыкающихся, ракообразных, моллюсков, насекомых, горных пород и даже воды из соленых озер. Но самыми ценными были, конечно, этнографические материалы. Впервые были описаны многие народности, ранее неизвестные вовсе или известные только по именам. Собранные Потаниным произведения народного эпоса: сказки, легенды, пословицы и загадки различных монгольских

племен, урянхайцев и киргизов едва уложились в два больших тома.

Теперь предстояла новая экспедиция. Для совершения ее и приехал Потанин со своими сотрудниками в Чи-фу на борту корвета «Скобелев».

Географическое общество поручило Потанину исследовать восточные окраины Тибета и соседние провинции Китая Ганьсу и Сычуань.



В это же время знаменитый русский исследователь Центральной Азии Пржевальский совершал свою четвертую тибетскую экспедицию; программа работ Потанина была составлена так, чтобы дополнить данные его маршрутов.

Тибет, огромное нагорье, лежащее на карте в виде неправильной трапеции и поднятое над уровнем океана на высоту до 4 000 метров, был совершенно неведом для науки. Пржевальский первый приоткрыл завесу над этой страной, замечательной уже тем, что отсюда начинаются

многие великие реки Азии — Инд, Брамапутра, Меконг, Хуан-хэ и Янцзы-цзян.

По мысли Географического общества, Пржевальский должен был во время своего нового путешествия охватить маршрутами-рейдами возможно большее пространство, а Потанин в это время, двигаясь в обитаемой полосе подгорья в Ганьсуйской провинции, должен был исследовать в подробностях переходы от палеарктической природы нагорной Азии к влажным и теплым долинам Китая.

Потанин уже блестяще зарекомендовал себя как натуралист и этнограф. Он умел устанавливать контакт с туземным населением и глубоко проникать в разнообразные стороны его жизни. Географическое общество в программе изучения пограничных областей Китая, Монголии и Тибета придавало этой стороне дела большое значение. В предисловии к двухтомной «Тангутско-Тибетской окраине Китая и Центральной Монголии» (под таким названием вышло впоследствии описание этой экспедиции Потанина) П. П. Семенов писал, что переход Амдоских нагорий Тибета к китайским областям Ганьсу и Сычуань — это «грань между оседлой жизнью столь древне-культурной земледельческой китайской нации и кочевой жизнью разноплеменных народов Средней Азии» [9]. Особое историческое значение этого района заключалось в том, что «здесь именно находился самый удобный естественный спуск с нагорной Азии на китайскую низменность, большие ворота для вторжения кочевников» [10]. Проходившие то на запад, то на восток народы «должны были оставить здесь какие-либо следы или в виде безжизненных памятников или в виде живых еще своих остатков — горных племен, непосредственных своих потомков. Эти-то уцелевшие здесь разноплеменные остатки и памятники народов... усиливают и без того важный научный интерес исследователя» [11] этого края. Потанин как нельзя лучше подходил для того, чтобы развернуть здесь обширные и углубленные историко-этнографические изыскания.

Экспедиция снаряжалась в крупном китайском городе Тянь-цзине, куда путешественники приехали из Чи-фу на пароходе; заканчивалось ее снаряжение уже в Пекине. Были наняты семнадцать мулов и пять лошадей, и 25 мая 1884 года путешественники покинули столицу

Китая и направились по большой Императорской дороге через Великую Китайскую равнину.

В сравнении с монгольским безлюдьем Китай поражал своей населенностью.

Дорога все время шла среди возделанных полей, мимо городов и бесконечных селений, с небольшими рощами кладбищ — священных мест китайцев.

Навстречу путешественникам в клубах пыли тянулись вереницы купеческих караванов, шли мулы и верблюды, ослы, навьюченные вязанками хвороста, мешками угля или корзинами овощей, громыхали тяжелые, запряженные волами, грузовые телеги, шли, задыхаясь в пыли, пешеходы, ехали верховые.

По обочинам дороги сидели запыленные нищие и вымаливали подаяние. Некоторые из них с приближением каравана выбегали навстречу ему, падали на колени, показывали струпья и язвы на обнаженном теле и, громко причитая, протягивали руки.

Здесь же сновали старухи, старики и дети — сборщики навоза для удобрения полей. Они ловко подхватывали лопаточками с дороги помет животных и перекидывали его через плечо в висящую за спиной корзину.

На остановках в грязных постоялых дворах, обстроенных с трех сторон домами, навесами и яслями, путешественникам не давали покоя любопытные китайцы, желающие поближе рассмотреть «ян-гуй-цзе» — заморских чертей.

На седьмые сутки пути по Императорской дороге караван повернул на запад к горам, и вскоре путешественники увидали Великую Китайскую стену. Это была ветвь основной стены, лежащая по границе между провинциями Чжили (ныне — Хэбей) и Шаньси. Сложенная из камня зубчатая стена то поднималась по склонам гор, то спускалась в низину. Ее полуразрушенные сторожевые башни были пусты, ворота — открыты. Военное значение стены было уже утеряно. Построенная в 211 году до н. э. по повелению императора Цинь-ши-туана, для защиты Китая от монгольских кочевников, теперь она являлась только историческим памятником, да некоторые ворота ее служили пропускным пунктом для взимания платы за провоз товаров из одной провинции в другую.

Пройдя стены, караван путешественников направился к горному хребту У-тай-шань, что значит пять

поклонных гор. Такое название хребет получил не случайно. В южной части его было расположено несколько буддийских монастырей, и место это считалось святыней среди китайских и монгольских буддистов. По преданию, в Утае являлся один из величайших учителей буддизма — Манджушри, и к этому месту стекались многочисленные паломники из Китая и Монголии.

Главных монастырей У-тай-шань, в районе вершины Пей-тай, было пять, и самой старинной кумирней считалась «Медная», состоящая из медных плит с рельефными украшениями. Наружные плиты стен покрывали рисунки будд, расположенные рядами.

Три монастыря принадлежали китайцами, два—монголам. Дальше в других частях долины и у подножья гор лежали еще многочисленные монастыри, о присутствии которых можно было судить по сохранившимся лесам на голых распаханных склонах гор. Эти участки несведенного леса были превращены в монастырские сады, и сквозь деревья виднелись красные стены и сверкающие золоченые маковки.

Вся местность, занятая монастырями, постоянно кишела народом, и стоило только путешественникам остановиться около какой-нибудь кумирни, как их сейчас же окружала толпа любопытных.

Были здесь одетые в серые халаты монахи-китайцы с иезуитски скорбными лицами и нарядные монгольские ламы, поражающие яркостью своих желто-красных одежд и веселостью нрава; были маленькие «банди» — мальчики, посвященные в монахи иногда с четырехлетнего возраста; были больные, приехавшие в надежде исцелиться, с лицами, изуродованными язвами; были нищие, вымаливающие подаяние, и купцы, продающие товары.

Среди монастырских построек виднелся 60-метровый субурган — башня с вершиной, увенчанной бахромой из колокольчиков, которые при каждом порыве ветра издавали мелодичный звон.

Монастыри лежали на куполообразном холме, за которым поднимались горы, уступами одна выше другой, и кончались вершиной Пей-тай с еще сохранившимися полосами снега.

Осмотрев монастыри и познакомившись с изготовлением статуй богов в главной кумирне Юн-чай-сы, Потанин со своими спутниками отправился дальше по наме-

ченному маршруту и, перенеся в пути сильную бурю с горячим ветром, несущим тучи пыли и мелкого песку, 6 июня достиг большого древнего города Гуй-хуа-чен, по-монгольски Куку-хото («Голубой город»).

Он состоял из двух частей: старой и новой. Центр города был окружен обычной для китайских городов зубчатой стеной с башнями по углам.

Город славился своей торговлей. Из него снаряжались караваны в Джунгарию, Кобдинский округ и даже в Западную Сибирь.

Основные городские торговые центры сосредоточились в предместьях. Здесь было около двухсот чайных фирм, несколько рынков, много монастырей и кумирен, посвященных различным божествам. Здесь были кумирни в честь Конфуция, в честь солнца и луны, храм ворожей, кумирни, посвященные богу войны, царю мертвых, богам врачей, лошадей, дождя и торговли. Здесь же во дворе одного монастыря отделывалось здание, построенное для нового гэгэна, который должен был приехать из Тибета, так как старый гэгэн умер восемь лет назад и только теперь появился его «вновь возрожденный» заместитель. Стены, высокие потолки и карнизы этого здания были разрисованы пейзажами и картинами из китайской жизни.

Познакомившись с торговлей Гуй-хуа-чена, осмотрев достопримечательности монастыря с огромными статуями богов и отремонтировав юрты, которые снова становились нужны при дальнейшем путешествии, экспедиция в конце июня на пятнадцати верблюдах вышла на юго-запад к Желтой реке (Хуан-хэ).

Путь каравана лежал через равнину, населенную китайцами и монголами-тумутами.

Монголы-тумуты говорили по-китайски и в образе жизни отличались от китайцев только тем, что в пище сохранили употребление молока, да женщины-тумутки не бинтовали ног и носили монгольские головные уборы. На фанзах у тумутов, в отличие от китайских фанз, развивались флаги с надписями буддийских молитв.

За Желтой рекой, в огромной ее излучине, лежала страна Ордос, отделенная от Поднебесной империи Великой Китайской стеной. Невольно Потанин вспомнил свое путешествие по Монголии. Снова появились степи, барханные пески и плоские горные гряды.

Потанин сделал в Ордосе много интересных наблюдений над подвижными песками, над процессом образования барханов. В своем отчете он привел много зарисовок барханов. Анализируя форму, крутизну скатов барханов, поперечные рубцы на этих склонах, он смог высказать ряд предположений, по-новому объясняющих закономерность движения песков. Для своего времени гипотезы, созданные Потаниным, представляли значительный шаг вперед и сыграли важную роль в развитии пустыноведения.

Его не удовлетворяли общепринятые тогда объяснения образования дюн лишь тем, что двигающийся песок, встречая препятствия (обычно в виде кустарниковой растительности), начинает отлагаться около них. Потанин указывает, что «кусты, насажденные с промежутками, не могут давать повод к образованию барханов» [12]; с другой стороны, известны случаи, когда барханы образовались и на гладкой поверхности, просто вследствие ослабления или приостановки ветров.

Изучая ордосские пески, Потанин, как всегда, с большим вниманием относился к тому, как объясняют их движение туземные легенды и предания, стремился использовать свидетельства китайских писателей, сведения о засыпанных старых городах и т. п. Он пришел к выводу, что пески Ордоса действительно являются частью большой «песчаной реки» (Ша-Го китайских источников). Изучая цвет песков, Потанин стремился также определить ту местность, горные породы которой, разрушаясь, дают исток этому грандиозному песчаному потоку, идущему в направлении господствующих ветров — с запада на восток. «В распределении песков по поверхности Центральной Азии, — писал Потанин, — есть какая-то правильность. Карта этой части Азии, специально посвященная распределению песков, была бы поучительна... При современном недостаточном нашем знании Средней Азии наши карты не верны, и нанесение песков по всей вероятности страдает излишними обобщениями» [13]. Потанин много сделал для того, чтобы уточнить картографические представления о распределении песков; поднятые им на примере Ордоса большие теоретические вопросы закономерностей образования песчано-эоловых форм рельефа надолго заняли важное место в развитии географии и геологии.

Монголы, населяющие Ордос, разделялись на ряд «омаков» — родов. Потанин собрал о них обширные исторические и этнографические сведения. Роды эти управлялись князьями, потомками Чингис-хана.

Ордосский ван (старший князь) оказался человеком гостеприимным. Он любил европейцев и принял путешественников очень радушно, обещая им всяческое содействие в экспедиции.

В Ордосе путешественники познакомились с бытом, религией и нравами монголов, на которых сильное влияние оказала китайская культура. Александра Викторовна побывала в гостях у жены вана — маньчжурки по происхождению, строго соблюдавшей китайские обычаи.

Оба, и сам ван и жена его, были даже подвержены распространенному китайскому пороку — курению опиума.

Во время своего пребывания в Ордосе путешественникам удалось повидать и даже сфотографировать некоторые «еджен-хоро» — монгольские святыни, связанные, по преданиям, с Чингис-ханом. Самой интересной из них была Великая — или «Ихэ-еджен-хоро» — юрта, в которой, по суеверным преданиям, якобы хранились останки Чингис-хана.

Невдалеке от «Ихэ-еджен-хоро» стояли жилые юрты «тархатов» — хранителей святыни, которые, помимо охраны, занимались сбором с монголов особого налога на содержание усыпальницы.

Священная юрта стояла в деревянной ограде. Ее венчала золотая маковка, верхние войлоки были вырезаны по нижней кромке фестонами. Получив у тархатского старшины разрешение на осмотр «Ихэ-еджен-хоро», Потанин счел целесообразным переодеться в парадное платье — всегдашняя деликатность и такт, его лучшие помощники при общении с туземцами, подсказали ему, что этим актом вежливости он откроет себе доступ ко многим интересовавшим его преданиям седой старины.

Потанина подвели к отворенным дверям юрты. Вот как описывает Потанин внутренность святилища: «Так как внутренность юрты освещалась только из той отворенной двери, перед которой мы сидели, то разглядеть, что в юрте находится, было очень трудно, особенно когда приходилось смотреть в темную внутренность из

светлого пространства... Под сводом юрты находится четырехугольное деревянное здание; в дверь видна внутренность комнаты, ограниченной четырьмя остальными деревянными стенами; у задней, т. е. северной, стены виден стол, на котором стояли пять медных вазочек; в них горело масло. Сзади каждой вазочки стоял жестяной щиток, узоры которого трудно было разглядеть. Над светильниками на стене привешено зеркало» [14].

Ордосская легенда об усыпальнице рассказывала, что в ней лежит не мертвый, а только спящий Чингис-хан, который через 300 лет проснется и освободит свой народ из-под владычества китайцев. У тархатов, а затем и у других монголов Ордоса Потанин записал ценнейший фольклорный материал, связанный с Чингис-ханом.

Путешествие по Ордосу продолжалось до поздней осени. Потанин и его спутники посетили развалины древнего города Боро-балгасуна, по преданию разрушенного Чингис-ханом, прошли по южной окраине Ордоса вдоль пояса сыпучих песков, поднялись на горы, где в некоторых селениях люди жили в пещерах, выкопанных в мягких толщах лёсса, и вновь приблизились к Желтой реке, против большого, окруженного садами города Лань-чжоу, столицы провинции Ганьсу и резиденции губернатора.

Предстояла зимовка, и экспедиция разделилась. Скасси остался вычерчивать свои съемки, Березовский уехал охотиться в окрестности города Хойсянь, а Потанины отправились в местность Сань-чуань в Наньшанских горах, на родину Сантан-джимбы, нового спутника экспедиции. Это был старый монгол, совершивший немало путешествий с католическими миссионерами, опытный и отлично знающий край человек, с которым познакомился Потанин в городе Боро-балгасуне у бельгийских миссионеров. Сань-чуань интересовал Потанина потому, что здесь рядом жили почти вовсе не изученное еще племя монголов — «широнголы» — и тангуты.

9

Зиму Григорий Николаевич и Александра Викторовна провели среди саньчуанских оседлых широнголов.

Земля широнголов лежала в долине Желтой реки, к югу от Ланджоу. Род свой широнголы, по их преда-

ниям, вели от воинов Чингис-хана, оставшихся в долине и вступивших в брак с китаянками.

Живя в широнголской деревне несколько зимних месяцев, Потанин хорошо познакомился с бытом и нравами этого интересного племени.

Жили широнголы оседло, в фанзах из необожженного кирпича; занимались, как и китайцы, хлебопашеством, но отличались от последних своими обычаями, одеждой и внешностью. Почти все они были высоки ростом, стройны, крепко сложены и многие доживали до глубокой старости.

В стране широнголов Потанин собрал большой этнографический материал, а Александра Викторовна, близко познакомившись с бытом местного населения, изучила его семейный уклад и впоследствии написала чрезвычайно интересные литературно-этнографические очерки, получившие широкую известность.

В начале весны экспедиция стала готовиться к дальнейшему путешествию. Из-за отсутствия в Сань-чуане мулов пришлось нанять менее сильных и выносливых лошаков (помесь жеребца и ослицы).

15 апреля экспедиция направилась на северо-запад — через город Синин, где Потанин был торжественно принят его губернатором, в глубь Тибетского нагорья Амдо.

Караван перевалил хребет Ла-чи-сан, достигающий 4 000 м над уровнем моря, вновь спустился к Желтой реке, миновал города Гуйдуй и Боу-нань и остановился около монастыря Лабран — главного рассадника буддизма в Амдо.

Восемнадцать храмов стояло среди высоких гор со склонами, покрытыми лесом, а у подножья — кустарником караганы. Дворец гэгэна, построенный у самой горы, поражал величественностью золотой кровли. Кругом ее горели небольшие маковки кумирен.

Лабранский гэгэн (настоятель) встретил экспедицию очень радушно. Он послал путешественникам приближенного ламу с приглашением в гости.

На другой же день Потанин и Скасси воспользовались приглашением гэгэна и прибыли к нему во дворец.

Гэгэн принял их в парядной зале бокового флигеля, очевидно, служащей приемной. Зала была богато убрана, и в ней стоял полумрак, так как она была

задрапирована тонкими шелковыми тканями с вышитыми на них яркими цветами.

Гэгэн сидел на подушках на возвышении; около стояли хоругви, и лежала различная церковная утварь. На гэгэне была желтая мантия, голову его украшала диадема. Как телохранители, по бокам возвышения стояли ламы в пунцовых одеждах.

После церемонии вручения «ходаков» — шелковых шарфов с надписями молитв, служащих у монголов чем-то вроде визитных карточек, гэгэн пригласил гостей садиться на плоские подушки, разложенные вдоль боковых стен. Перед каждой из подушек стоял низенький столик для лакомств к чаепитию, во время которого велась беседа.

Гэгэн охотно разрешил Потанину осмотреть все храмы монастыря и даже дал для этого сопровождающего ламу.

Лабранские храмы были самой разнообразной архитектуры и некоторые отличались очень большими размерами. В одном из них потолок поддерживали 165 колонн, расположенных в 11 рядов, в другом было собрано около тысячи медных статуй богини Дараэке.

Осмотрев монастырь и его храмы, 21 мая экспедиция отправилась по окраине нагорья Амдо, изучая местность и быт населяющих ее племен.

Тангуты, населяющие Тибетское нагорье, были очень мало похожи на другие азиатские народы, уже знакомые Потанину. Среднего роста, крепкого телосложения, с красновато-коричневым оттенком кожи, с черными прямыми волосами, они напоминали больше цыган, чем монголов.

Путешественники познакомились и с оседлыми и с кочевыми тангутами. В местах, удобных для хлебопашества, жили оседлые тангуты в деревянных домах; в безлесной местности дома были из сырцового кирпича. Скотоводы-тангуты кочевали со своими стадами приученных яков, лошадей, коров и баранов и жили в черных шерстяных палатках, покрытых домотканной материей из шерсти яков. И те и другие тангуты отличались большим гостеприимством.

Все тангуты были прекрасные охотники. Сама природа приучала их к этому ремеслу. Среди монголов Тибет называют страной зверей, и, действительно, он богат

ими. Здесь на высотах, почти недоступных для жизни человека, водились антилопы, козы, яки, дикие ослы, бараны-«аргали», медведи, питающиеся пищухами, и зверь «кярс», похожий на нашу лисицу.

Суровая природа и занятия охотой сделали тангутов людьми решительными и храбрыми. Во время дунганского восстания в Китае в 60-х годах тангуты сами обороняли свои деревни и монастыри от неприятеля. Весь народ принимал участие в сражениях. Даже монахи многочисленных монастырей стали воинами. Женщины превратились в оруженосцев. Они заряжали во время боя ружья и держали наготове мечи и секиры, которые могли понадобиться их мужьям или братьям в битве.

Одевались тангуты в бараньи шубы или халаты из домашнего сукна, а волосы заплетали в косы или распускали по плечам. В большом ходу были у них всевозможные украшения. Мужчины носили одну серьгу в ухе, а серьги женщин достигали размеров массивного браслета.

В религиозном отношении тибетцы разделялись на буддистов — «староверов», и ламаистов — сторонников ученого монаха Дзонкавы, который в XIV столетии реформировал буддизм, ввел безбрачие лам и установил церковную иерархию, глава которой почитается «живым богом» и известен под именем «далай-ламы».

Ламаисты стали носить желтые одежды, а сторонники старой веры «бон» — красные.

Экспедиция Потанина в нагорье Амдо посетила город Си-чучен, где за шесть лет до этого приезда Потанина случилось сильное землетрясение.

Напуганное землетрясением население горных деревень, многие из которых были разрушены до основания, пережило эпидемию странной нервной болезни, напоминающей пляску святого Вита. Этой болезни были подвержены иногда целые селения, заболевание длилось в течение года. Потанину местные жители рассказывали, что во время этой пляски — бесования — люди становились настолько сильны, что сплющивали в руках железные вещи.

Отсюда экспедиция прошла в город Сунпань, населенный китайцами и тангутами. Он лежит уже в бассейне Янцзы-цзяна, близ верховьев этой великой китайской реки. Сунпань был важным торговым пунктом на

границе Амдо, служа перевалочным пунктом при транспортировке товаров из Китая в глубь Тибета.

Живя в Сунпане и собирая сведения о природе, торговых дорогах и быте населения, Потанин посетил соседний монастырь с обителью гэгэна Ной и совершил поездку к снежной горе Сюэ-шань, у подножья которой расстилалась порожистая долина реки Ксеренцо.

Это было наиболее интересное и живописное место за время всего путешествия по нагорью Амдо.

Гора Сюэ-шань двумя пирамидами снежных вершин возвышалась над ярко-зелеными альпийскими лугами. Долина реки спускалась уступами, и вода падала с них каскадами, образуя сверкающие изумрудные озера и бассейны, расположенные гигантской лестницей в двадцать ступеней.

Потанин с одним из слуг-тангутов поднялся до цирка верховий реки Ксеренцо для того, чтобы пополнить свой гербарий образцами альпийской флоры.

Самый южный пункт, которого достигла экспедиция, был город Лун-ань-фу. Путь к нему лежал по долине реки Хотон. Дорога каравана шла по вырубленным в скалах карнизам, через выемки, проложенные на косогорах, по шатким мостам, перекинутым через бурные горные реки. Она давно не ремонтировалась и была почти не пригодна для движения; путешественникам самим приходилось производить ремонт, или, верней, пробивать себе новую дорогу топорами и даже ботаническими корнекопками... Мосты были настолько ветхи, что настил их плясал под ногами животных, которых приходилось переводить под уздцы. Один лошак сорвался с моста и упал в воду. Гербарий, который был в его вьюке, промок, и пришлось потратить много времени, чтобы просушить бумагу и растения. Все это сильно задерживало движение экспедиции и на сто пятьдесят километров пути до Лун-ань-фу пришлось затратить десять переходов.

Деревни в долине Хотон были тесные, иногда поднимались уступами по террасам скалистых гор, на пологих скатах которых крестьяне распахивали поля, сеяли кукурузу и бобы.

В соседстве с людьми в зоне хвойных лесов и в теплых долинах обитали обезьяны. Эти соседи доставляли немало неприятностей и хлопот хлебопашцам. Они

разоряли поля кукурузы и не столько поедали ее, сколько ломали и разбрасывали.

Растительность Лун-ань-фу была разнообразна, и путешественники собрали для гербария много представителей южной флоры, с которой до сих пор не встречались. Здесь были веерные пальмы, бамбук, лаковое и восковое деревья, мирты, аралии, много папоротников и вьющихся растений, цепляющихся за деревья.

Из города Лун-ань-фу экспедиция пошла на северо-восток и 20 октября достигла города Ланьчжоу, откуда отправилась на зимовку в один из самых знаменитых монастырей в нагорье Амдо — монастырь Гумбум, из которого весной 1886 года предстоял обратный путь в Россию через Центральную Монголию до города Кяхты.

«В девятом часу вечера я испытала какой-то болезненный припадок. До того чувствовала себя хорошо, часов в семь обедала, затем вышла из своей комнаты к чаю и выпила одну чашку, потом стала наливать себе и Григорию Николаевичу еще по чашке и только что снова взялась за чайник, как что-то случилось: я упала локтями на стол и почувствовала, что лежу всей тяжестью так, что явилась мысль, что стол подломится; затем, помню, видела, что Григорий Николаевич держал меня за плечи и спрашивал: «Что с тобой?..» [15]

Это была одна из последних записей Александры Викторовны Потаниной.

Припадок случился весной 1893 года во время нового путешествия — уже четвертого, которое совершала с Потаниным его верная спутница.

По возвращении из ставшего знаменитым тибетско-китайского путешествия Потанины развили кипучую научную и общественную деятельность. Они поселились в Иркутске. Григорий Николаевич принял должность правителя дел Восточно-Сибирского отдела Географического общества. Под его руководством работа этого отдела значительно расширилась. Одновременно он работал над отчетом о своей экспедиции, принимал деятельное участие в большой сибирской газете, открытой в Иркутске его другом Ядринцевым, устраивал выставки, организо-

вывал географический музей. Александра Викторовна писала этнографические очерки, сотрудничала в газете, помогала разносторонней деятельности своего мужа.

В 1890 г. Потанины переехали в Петербург. Надо было кончать отчет об экспедиции и издавать его в Географическом обществе.

Здесь, в «штабе» русской географии, и было решено, что Потанины снова поедут в Китай.

Выехав из Кяхты осенью 1892 года с задачей продолжать изучение восточной окраины Тибета и китайской провинции Сычуань, Потанины совершили путь до Калгана через Монголию по почтовому тракту.

Этот трудный переезд подорвал здоровье Александры Викторовны. Даже для молодого и сильного путешественника поездка в монгольских почтовых упряжках являлась пыткой и большим испытанием крепости здоровья. Приходилось сидеть спиной к лошадям в кибитке, похожей на ящик. Кони в нее не впрягались: ее тащили за поперечину, прикрепленную к оглоблям, двое монгольских всадников. Концы этой поперечины лежали у них на седлах. Двое других всадников скакали рядом, управляя повозкой привязанными к ее оглоблям веревками. Кони мчались с доступной для них быстротой по неровной степной дороге, изобилующей рытвинами и валунами; смена их происходила на ходу. Очередной всадник подхватывал поперечину оглобель, клал к себе на седло, и скачка продолжалась.

Кибитка была без рессор — первобытная степная повозка, очевидно, существовавшая еще со времен Чингисхана.

После тридцати часов скачки в этой «бочке, спущенной под гору», Александра Викторовна почувствовала себя плохо. Болело сердце. Но она крепилась и продолжала путешествие. Она не осталась и в Пекине, где врач русского посольства советовал ей временно прекратить путешествие и полечиться. Она не хотела оставить непрактичного и мало заботящегося о себе Григория Николаевича одного без помощи в дороге.

Больной она проделала месячный путь в тряской телеге до древней столицы Китая Сиань-фу и 1 100 километров на носилках через широкий горный пояс Цзинлинь-шаня, не имеющий колесных дорог, до столицы провинции Сычуань — города Чэнду-фу.

Носилки представляли собой покрытый выгнутой кровлей ящик из тонких бамбуковых палочек, подвешенный на бамбуковых же четырехметровых шестах, которые на плечах держали носильщики.

Дорога шла по карнизу, высеченному в скалах, иногда поднимаясь, как лестница, ступенями.

В окно носилок была видна вся окружающая природа. Золотые вершины гор, покрытые мелким дубняком, не потерявшим зимой своей желтой сухой листвы, сменялись ущельями, усыпанными огромными валунами известняка, песчаника или конгломерата. Между ними проносились белые от пены бурные реки или лежали изумрудно-зеленые полосы спокойной воды. Дорога сворачивала на юг. Появились вечнозеленые кустарники и веерообразные пальмы с толстыми, короткими стволами, из вершин которых спускались широкие листья. На перевалах гор стояли кумирни, и монахи «хошан» ударяли в гонг, чтобы напомнить путешественникам, что необходимо уплатить божеству — покровителю дорог — за благополучный путь.

В горах ютились крестьянские фанзы, и каждый клочок мягкой земли был возделан под крохотные пашни и огороды, на которых иногда едва помещалось только несколько кочнов капусты.

Вершины гор становились плоскими, и долины превращались в озера затопленных рисовых полей.

На реке Цзя-лин-цзянь носилки были поставлены в лодку и спускались вниз по течению. Мимо проплывали слоистые горы, словно сложенные из листов бумаги — так отчетливо видны были их мощные складки песчаников. Невдалеке от города Гуан-юаня береговая скала была разрезана нишами, и в каждой из них стояло по статуе какого-нибудь бога. Были среди статуй громадные изваяния в несколько метров, были и маленькие бурханы, по буддийскому обычаю сидящие на собственных пятках. Монастырь, расположенный на этой горе, назывался «Тысяча будд».

Припадок Александры Викторовны, после которого она временно потеряла дар речи, случился в Да-цзен-лу, в пограничном с Тибетом городе. Путешествие пришлось прервать. Потанин не отходил от постели больной, но здоровье Александры Викторовны восстанавливалось медленно. В Да-цзен-лу медицинской помощи не было.

Жили Потанины на тангутском въезжем дворе, постоянно наполненном вьючными яками, лошадьми и подводчиками-тангутами, которые все сопровождали каждую свою работу пением, чаще всего заунывным.

Песни тангутов и шум не давали больной покоя.

Комната Потаниных находилась во втором этаже маленького двухэтажного ветхого дома. Щелистые стены пропускали ветер. Ни бумага, которой Григорий Николаевич заклеивал щели, ни развешанное над постелью одеяло не спасали от сквозняков. В комнате стоял полумрак, в окна ее не было видно неба, — его заслоняли горы, высокой цепью окружающие город.

Как только Александра Викторовна смогла подняться с постели, она стала просить Потанина продолжать путешествие, оставив ее одну в Да-цзен-лу, с тем, чтобы вернуться за ней на обратном пути из Тибета. Ее мучила мысль, что она невольно является причиной преждевременного прекращения интересного исследования тибетского нагорья.

Однако Григорий Николаевич не согласился. Он боялся за здоровье Александры Викторовны и решил закончить экспедицию.

Путешественники оставили Да-цзен-лу и направились обратно в Пекин. Но путешествие для Александры Викторовны оказалось гибельным, и после первого перехода она опять слегла.

Больную несли на носилках. Она продолжала бороться с болезнью, старалась казаться бодрой, но все время просила двигаться возможно быстрее, словно предчувствовала смерть и стремилась поскорее выбраться из Китая, чтобы еще хоть раз увидеть далекую родину.

Но она не успела. Около города Джар-хуа на реке Хей-шуй-цзян удар повторился, и у Александры Викторовны отнялся язык и парализовались ноги.

Путникам опять пришлось изменить маршрут, чтобы добраться, как можно скорее, до какого-нибудь пункта, в котором больная могла получить медицинскую помощь. Решили на лодках спуститься в город Бао-нин-фу, в котором находилась английская миссия. Однако врачей в Бао-нин-фу не оказалось.

Опять паланкин Александры Викторовны погрузили на лодку в надежде добраться до Чу-цын-фу, в котором был расположен английский госпиталь.

Александра Викторовна неподвижно лежала в лодке. Приближался конец. Принимать пищу она уже не могла. Лицо ее было спокойно, только в глазах, когда она встречалась взглядом с Потаниным, отражалась тревога, словно и сейчас она боялась оставить его одного на трудном жизненном пути.

19 сентября 1893 года Александра Викторовна умерла. До Чу-цын-фу оставалось только два дня пути.

Тело умершей — первой русской женщины-путешественницы, проникшей в глубь Центральной Азии и Китая, экспедиция на лодке отвезла в город Ханькоу. Путешествие для Потанина кончилось. Он больше не мог вести каких-либо наблюдений. Потанин был подавлен. С Александрой Викторовной как бы умерла часть его самого. В его жизни она играла слишком большую роль. В каждой его работе была работа Александры Викторовны, в каждой его мысли — ее мысль, в каждом его чувстве — ее чувство.

Эта смерть разрушила прекрасное единство двух людей, двух подвижников науки, посвятивших себя служению ей и так счастливо встретившихся в жизни.

Григорий Николаевич покинул Китай. В Кяхте, куда был доставлен гроб с телом Александры Викторовны, Потанин похоронил жену и уехал в Петербург.

Несчастие, постигшее эту экспедицию Потанина, привело к тому, что от нее осталось гораздо меньше материалов, чем от первых четырех, особенно тех трех, в которых Потанину сопутствовала его жена *.

11

Шесть лет спустя Потанин предпринял свое последнее путешествие. В течение лета 1899 года он обследовал малоизвестную область хребта Большого Хингана, лежащего между Монголией и Маньчжурией.

* Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии издало в 1895 году литературное наследство А. В. Потаниной в виде особого сборника «Из путешествия по Восточной Сибири, Маньчжурии, Тибету и Китаю». Он составлен главным образом из путевых и научно-популярных очерков по этнографии, написанных с незаурядным литературным мастерством.

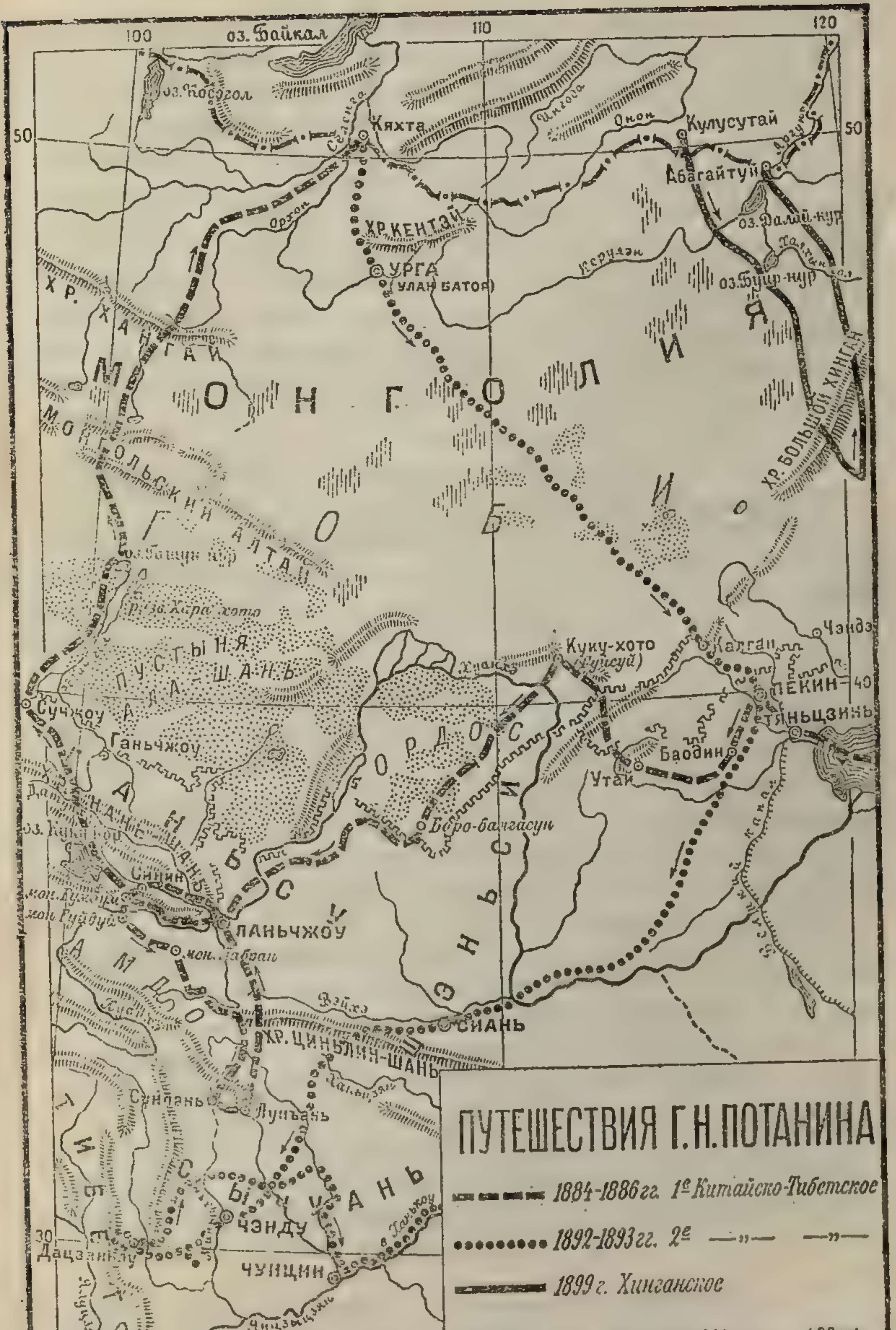
Отчеты о всех его путешествиях, опубликованные Русским Географическим обществом, совместно с трудами двух других известных русских путешественников — Пржевальского и Певцова, легли в основу современного землеведения Внутренней Азии. В них с поразительной точностью даны характеристики местности, маршрутов, экономики и торговли стран, которые Потанин исследовал, описаны быт народов, религия, обычаи, собраны легенды и сказания.

В своих путешествиях Григорий Николаевич становится универсальным ученым. Он обладал удивительной разносторонностью, начитанностью и трудолюбием. Его отчеты, составляющие несколько объемистых томов, по богатству и новизне собранных материалов одинаково интересны и для географа и для ботаника, зоолога, геолога, климатолога, экономиста. Но больше всего Потанин сделал, конечно, для историко-этнографического изучения Центральной Азии.

Путешествия Потанина обогатили науку подробными сведениями о малоизвестных или совсем не изученных странах и их населении. За свою жизнь он исследовал части Северной, Восточной и Центральной Монголии, Северного Китая с Ордосом и У-тай-шанем, восточную окраину Тибета и примыкающие к ней части Южного Китая и Восточного Нань-шаня.

Народные племена, с которыми приходилось встречаться Потанину и которые изучил он, составляют длинный перечень: здесь и тюрки (тюркские народы Русского Алтая, урянхайцы, казахи и киргизы, узбеки, котоны), и монгольские племена — халхасцы, дюрбюты, дархаты, буряты, торгуты, ордосские монголы, кукунорские и нань-шанские салары, широнголы, хара-и шира-егуры; здесь и тангуты, дунгане и китайцы. В круг своих исследований Потанин вовлек и многие народности самой России — бурятов Иркутской губернии и Забайкалья, вотяков, чувашей Казанской и Вятской губерний. Иначе и не могло быть при том стремлении отыскивать аналогии и параллели в обычаях, преданиях, фольклоре, устанавливать историческую преемственность в языке, которая составляет характерную черту всего научного творчества Григория Николаевича.

Путешествуя с женой в гражданском платье, не имея военного конвоя, который неизбежно вызвал бы насто-


ПУТЕШЕСТВИЯ Г. Н. ПОТАНИНА
1884-1886 гг. 1е Китайско-Тибетское
1892-1893 гг. 2е —"— —"—
1899 г. Хинганское
200 0 200 400 КМ
оз. Байкал
оз. Косогол
Кяхта
Кулусутай
Абагайтуй
оз. Далай-нур
оз. Буир-нур
ХР. КЕНТЭЙ
УРГА (УЛАН БАТОР)
ХР. ХАНГАЙ
МОНГОЛИЯ
МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ
ГОБИ
ХР. БОЛЬШОЙ ХИНГАН
Куку-хото (Гуйсуй)
Калган
Чэндэ
ПЕКИН
ТЯНЬЦЗИНЬ
Баодин
Утай
ПУСТЫНЯ АЛА-ШАНЬ
Сучжоу
Ганьчжоу
ОРДОС
Боро-балгасун
НАНЬ-ШАНЬ
Синин
ЛАНЬЧЖОУ
АМДО
СИАНЬ
ХР. ЦИНЬЛИН-ШАНЬ
Суньпань
Луньань
СЫЧУАНЬ
ЧЭНДУ
ЧУНЦИН
Дацзянлу
ТИБЕТ
100
110
120
50
40
30

роженное и недоверчивое отношение со стороны народов местного населения, Потанин глубоко входил в жизнь отдельных племен. Подолгу живя среди них, зная местные языки, он проявлял бесконечное терпение и такт, как истинный гуманист. Подходя к людям любой народности, Потанин всюду находил друзей, которые обеспечивали ему сбор исторических и этнографических сведений, знакомили со своей религией и обычаями. Немало в этом помогла Григорию Николаевичу и Александра Викторовна, которая, как женщина, имела доступ в семейный быт изучаемых племен, бывала в гостях у жен монгольских князей и китайских чиновников, знакомясь с положением женщины в Центральной Азии и собирая материалы о семейном укладе.

На втором месте следует поставить ботанические исследования Потанина.

Гербарии, собранные им, являются самыми полными и подробными из всех гербариев путешественников по Внутренней Азии. Им было открыто несколько новых родов явнобрачных растений; один из них (а также и множество видов) получил его имя.

За свою деятельность в области географической науки Григорий Николаевич получил высшую награду Русского Географического общества — Константиновскую медаль.

Академик В. А. Обручев, старейший член Географического общества, молодым геологом принимавший участие во второй экспедиции Потанина в Китай, очень высоко оценил заслуги Григория Николаевича в области географической науки.

В своей талантливой книге о Потанине В. А. Обручев так охарактеризовал роль Григория Николаевича — русского путешественника и исследователя:

«Действительное научное исследование Внутренней Азии началось именно с путешествий Потанина, Пржевальского и Певцова. Все трое посетили и Джунгарию, и Монголию, и Китай, и Тибет. Маршруты их то сближаются и даже скрещиваются, то далеко расходятся; есть местности, где побывали все трое, но гораздо больше местностей, где прошли только двое или один из них.

Если нанести маршруты всех троих на одну и ту же карту, мы увидим, что Внутренняя Азия будет искрещена ими в разных частях и в разных направлениях и

не останется ни одной страны, кроме южной половины Тибета, где бы не пролегал маршрут хотя бы одного из них. Их путевые отчеты то являются единственными для данной местности, то дополняют друг друга.

Все трое в совокупности создали ту основную канву географического лика Внутренней Азии, на которой позднейшие путешественники разных специальностей начали уже вышивать узоры, т. е. наносить детали общей картины. До путешествий Потанина, Пржевальского и Певцова этой основной канвы, необходимой для более детальной современной работы, еще не было, а были только обрывки ее, клочки, часто не вязавшиеся друг с другом, вопреки усилиям таких мастеров, как Риттер, Гумбольдт, Рихтгофен» [16].

В Томске, где Потанин провел последние годы своей жизни, им были написаны книги, являющиеся результатом анализа многих сотен собранных им самим легенд и сказаний, а также обширной, очень тщательно изученной им фольклорно-этнографической литературы по азиатскому эпосу.

Важнейшие из этих книг: «Восточные мотивы в средневековом эпосе», «Восточные параллели некоторым русским сказкам», «Русская девица Дарига в киргизской сказке» и многие другие.

Глубоким стариком, почти потеряв зрение, Потанин продолжал работать. Сам писать уже он не мог и диктовал своим друзьям, которые добровольно взяли на себя труд его литературных секретарей. Так была создана его последняя книга о «Сыне неба Северной Азии».

До конца дней Григорий Николаевич оставался человеком неутомимого труда.

Он прожил 85 лет и умер в Томске 30 июня 1920 года.

В наше время, в Сталинскую эпоху расцвета социалистической культуры и науки, советский народ высоко оценил заслуги выдающегося путешественника и ученого этнографа Г. Н. Потанина и его жены Александры Викторовны, отдавших все свои труды, всю свою жизнь служению русской географической науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии. Соч. Чокана Чингиевича Валиханова. Записки Русск. Географ. о-ва по отд. этнографии, т XXIX, СПб., 1904, стр. 52.
2. Там же.
3. Лурье А. Чокан Валиханов — первый казахский ученый и просветитель. Исторический журнал, № 11—12, 1943, стр. 30.
4. Айдарова Х. Чокан Валиханов, Алма-Ата, 1945, стр. 80.
5. Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг. Соч. Чокана Чингисовича Валиханова, стр. 88.
6. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии. Соч. Чокана Чингисовича Валиханова, стр. 71—72.
7. Там же, стр. 74.
8. Лурье А. Чокан Валиханов — первый казахский ученый и просветитель, стр. 30.
9. Семенов П. П. Предисловие к книге Г. Н. Потанина «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», том первый, СПб., 1893, стр. X.
10. Там же, стр. X—XI.
11. Там же, стр. XI.
12. Потанин Г. Н. «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», том первый, стр. 97.
13. Там же, стр. 99 и 101.
14. Там же, стр. 73—74.
15. Потанина А. В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, М., 1895, стр. XXXVIII—XXXIX.
16. Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин, М.—Л., 1947, стр. 268—269.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Записки Русск. Геогр. о-ва по отд. этнографии, СПб., 1904.

В книге собраны в одном томе научные труды Ч. Ч. Валиханова.

2. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 гг. 2 выпуска с картой и таблицами. Изд. Русск. Геогр. о-ва, 1881.

3. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879—1880 гг. 2 выпуска с картой и таблицами. Изд. Русск. Геогр. о-ва, 1883.

4. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествия 1884—1886 гг. 2 тома с картами и таблицами. Изд. Русск. Геогр. о-ва, 1893.

5. Потанина А. В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Сборник статей А. В. Потаниной, М., 1895.

6. Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин, М. — Л., 1947.

В книге В. А. Обручева изложена биография Г. Н. Потанина и дано превосходное обстоятельное описание его путешествий. Там же см. список работ Г. Н. Потанина об его путешествиях, опубликованных в виде статей в «Записках» и «Известиях» Русского Географического общества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Ч. Ч. Валиханов 5
Г. Н. Потанин 33
Примечания 78
Литература 79

Редактор *Н. Г. Фрадкин*
Редактор карт *А. М. Оленев*
Художественный редактор *В. В. Щукина*
Технический редактор *К. В. Крыночкина*
Обложка работы художника *Н. П. Полянского*
Заставки *Н. П. Полянского*

Сдано в производство 29/VIII 1947 г. Подписано к печати 9/X 1947 г. А-10639
Печатных л. 5. Учетно.-изд. 4,06 л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 4176
Цена 1 руб. 50 коп.

6-я типография треста „Полиграфкнига" ОГИЗ при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Самотечный, 17

1 р. 50 к.